

ПОГОНЯ ЗА СУДЬБОЙ

1
УДАЧ

DM

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Погоня за судьбой

Ди

Погоня за судьбой. Часть I. Удар

«Автор»

2020

Ди

Погоня за судьбой. Часть I. Удар / Ди — «Автор»,
2020 — (Погоня за судьбой)

ISBN 978-5-532-04988-8

Заказ анонимного коллекционера, а работы – на каких-нибудь полчаса. Умыкнуть безделушку из музейной витрины, и всё – я уже на пенсии, где не будут сниться демоны и глаза мертвецов. Но я просчиталась, и всё, что у меня осталось – это последний патрон в обойме и вопросы, что острее лезвия. Что, если судьба – не предопределение, а алгоритм, который можно взломать? Что, если механизм, стирающий миры, – не стихия, а чей-то выбор? И что остаётся от человека, когда у него отнимают всё – даже право на собственную смерть? В той бездне, что вглядывается мне в душу, ответов нет. Только обломки дружб, клятв и надежд – всё, что осталось от мира, который я знала. И теперь мне предстоит догнать то, что отличает живое от мёртвого – собственную судьбу. Потому что своё будущее не выпрашивают. Его вырывают из безразличной, холодной хватки мироздания. За обтекателем глайдера приближается бирюзовая атмосфера необузданной Джангалы, где всё началось. Шёл год 2144-й. И наша посадка – лишь начало падения...

ISBN 978-5-532-04988-8

© Ди, 2020
© Автор, 2020

Содержание

Глава I. «Книга судьбы»	5
Глава II. Исход	17
Глава III. Зелёное море	25
Глава IV. Обещание	37
Глава V. Авантюра	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Ди

Погоня за судьбой. Часть I. Удар

Глава I. «Книга судьбы»

... Основательно побитый временем двухместный аэрокар плавно спускался сквозь стратосферу Джангалы на автопилоте. Где-то наверху, на стационарной орбите висел наш транспортный челнок, а внизу разрастался и густо клубился сероватым вспененным молоком грозовой фронт. Вокруг, насколько хватало глаз, мерцал ярко-голубой кокон разреженных верхних слоёв атмосферы, погружая небо над нами в ультрамарин...

Я нанесла на мизинец бирюзовый электролитический лак и удовлетворённо полюбовалась результатом. Мехапротез руки, матовый титан, заиграл новыми красками а тонкий слой бирюзы на механических пальцах заиграл под лучами солнца, и я протянула ладонь, ловя отражение той, кем стала. Той, кто может нежно поправить цветок в вазе или разбить череп, даже не переключая режим работы. Оружие с маникюром. Сапёр, который сам и есть бомба.

— Как тебе цвет? — обратилась я к Марку, который развалился на месте пилота, будто весь мир принадлежал только ему. — Огонь, правда? Прямо как циклонийский супер-океан.

— Тебе нездоровится? — спросил тот, задрал бровь. — Я начинаю беспокоиться. Сегодня маникюр, завтра – туфли на шпильке, а послезавтра ты вставишь себе силикон и укажишь в закат с каким-нибудь киберпринцем. Я, конечно, догадывался, что общество денежных мешков тебя испортило, но чтобы настолько... Три дня на лайнере не прошли бесследно.

— Ну и чего теперь? — фыркнула я и скорчила гримасу. — Слишком ярко, привлекает внимание, ля-ля-ля... Вы со стариком с меня живой не слезете. Зато хоть протезы будут повеселее... И вообще, знал бы ты, как мне надоело таскать на себе это брненное тело... Я столько времени трачу на ерунду – пища, сон, туалет... По утрам постоянная разбитость, да ещё этот дурацкий нейр опять глючит...

— Ты только на третий десяток пошла, а уже брюзжишь, как старуха, — усмехнулся Марк. — Даже наш дед в свои полторы сотни лет чувствует себя бодряком... ну или хорошо притворяется. В отличие от тебя.

— Я обязательно дождусь, когда твой мозг заспиртуют в кастрюле с нейроприводами, а потом пройду по извилинам наждачкой, — съязвила я. — Посмотрим, что ты тогда запоёшь.

— Твоя разбитость от того, что сидишь допоздна, — бросил Марк с лёгкой укоризной. — Да и вообще, ты с собой не в ладах. Если б ты уважала своё тело, как старик – свою консервную банку, ты забыла бы о том, что такое недосып...

Снова в затылке нестерпимо шипел нейронный интерфейс, будто старая радиола ловила сигнал из другого мира. Мембрана суперкомпьютера, что пряталась под кожей и работала с телом на нервном уровне... Интернет тела... Угораздило же связаться, блин... Эти глюки преследовали меня ещё с тех времён, когда тот Такасима из подвальчика сбросил прошивку на заводскую, затерев рекламные импринтинги. Ну а теперь фонит чуть ли не через день...

«Если встречу того, кто придумал транслировать рекламу в сны – обязательно отвинчу ему башку...»

— Глядя на твою косматую, заспанную физиономию по утрам, — продолжал Марк, не отрывая взгляд от линии горизонта, — я прекрасно понимаю желание переселиться в механическое шасси. Но, Лиз, законы Конфедерации не спрашивают, чего ты хочешь. Пятьдесят процентов аугментаций – это предел, и дальше ты уже не человек. Со всеми вытекающими.

— Да и пусть, — буркнула я. — Я уже полжизни на этой границе, как кошка на заборе. Сканеры и менты смотрят как на гранату без чеки — знают, что вот-вот рванёт, но не знают, когда. Пусть смотрят и считают, сколько от меня мяса осталось...

Да, я храбрилась, но, впрочем, после последнего сома-сканирования решила свести к минимуму выходы из корабля. Только по делу. Только на очередное дело...

— Мясо, между прочим, тебя кормит, поит и иногда даже спасает. — Марк повернулся, и в отражении его «хамелеонов» вспыхнул бирюзовый блеск моего маникюра. — Но да, с тобой никогда не соскучишься, горькая ты пилюля...

До точки прибытия оставались считанные километры. Я мысленно собирала воедино разрозненные кусочки информации о планете, над которой оказалась впервые в жизни.

— Ладно, давай к делу, — я перевела тему. — Что там внизу-то? Про местные дикие нравы не врут? Общины с шерифами, частные охранные конторы, бронированные грузовые караваны — прямо Дикий Запад какой-то...

— Любой фронтир выглядит именно так. Закон здесь подкрепляется не трёхтомным сводом правил, а увесистым стволом, — наставительно сообщил Марк. — Там внизу бывают даже стрелковые дуэли.

— Что, прямо так и гремят шпорами по главной улице в чапсах и шляпах и разряжают друг в друга Кольты? — Я живо представила себе пустынную улочку промеж деревянных домов, чёрный зев салуна, едва покачивающий дверьми, и перекаати-поле, степенно проплывающее между стрелками. — В поединке есть только одна задача — не дать противнику выстрелить в ответ. Никто в здравом уме не станет ждать, пока в тебя разрядят обойму, и предпочтёт шмалять из укрытия. Или... со спины, — заключила я.

— В нашей паре моя задача думать, а твоя — стрелять со спины, — кивнул Марк. — Лично я в дуэли играть не намерен и на поверхность спускаться не собираюсь. Ставит рекорды по долгожительству пусть кто-нибудь другой.

— Палец на спуске, а ушки на макушке, — пробормотала я, придирчиво оглядывая бирюзовые отсветы на механических пальцах. — Зайдём, заберём побрякушку, и дёру. Поделим куш — и я выхожу. Выкуплю аэростат где-нибудь над Венерой, выкину нейрофон в туманность и буду любоваться золотыми облаками, пока кости не разложатся в песок. — Краем глаза я видела отблеск солнечных очков — Марк глядел на меня, а я продолжала: — Вы со стариком — катитесь колбаской. И можете оставить себе мой оружейный шкаф со всем содержимым, только не открывайте без перчаток. Некоторые игрушки кусаются.

Вылив на Марка накопившуюся желчь, я уставилась вперёд, за обтекатель, где над облачным покрывалом показался далёкий диск диспетчерского узла. Марк поднял бровь, зыркнул на меня поверх солнцезащитных «хамелеонов», но промолчал. Он знал: когда я начинала говорить так — спорить бесполезно, как пытаться остановить ураган, размахивая флажком. А ещё он знал, что стоит ему применить немного своего обаяния — я растаю, словно лёд на солнцепёке...

Уже в который раз по ногам побежал зябкий холодок. Из-под сиденья снова задувало.

— Опять откуда-то снизу сифонит. — Я наклонилась и принялась вглядываться в тёмный пол под ногами. — Чувствуешь? Машина разваливается прямо на лету.

— Чувствую только твою паранойю, — устало ответил Марк. — «Шинзенги» цела, исправна и полностью герметична. Дед две недели назад её перебирал и проверял с компрессором.

— Да нет же, поддувает, — не сдавалась я. — Откуда-то из-под сиденья, вот же, где-то здесь...

Я шарила рукой понизу, пытаюсь уловить, откуда в салон затягивает холодок. Ощущения были притуплёнными и слабыми — мехапротез не мог передать все тактильные оттенки и детали, доступные настоящей, живой коже.

— Хорошо. Вернёмся – попрошу старика ещё раз всё проверить, — вздохнул Марк, словно усталый родитель, что пообещал капризному ребёнку купить игрушку – лишь бы только тот успокоился...

После долгого спуска мы приближались к цели. Вдали, пронзая кучевые облака, вырос tall высокий шпиль Музея – уродливый и величественный, как ржавый нож, воткнутый в кремовый торт. На верхушке мерцали россыпи разноцветных сигнальных огней и топорщились в разные стороны навигационные антенны причудливых форм. Чуть пониже, поверх округлой макушки станции, торчащей над самой каймой серой грозовой громады, медленно вращался плоский «блин» пункта управления воздушным движением. Вокруг шпиля сновали точки челноков и глайдеров, издавала похожие на плодовых мушек, что суетились вокруг спелого фрукта.

Из динамиков салона грянул голос диспетчера:

— Гражданский «Шинзенги Моторс», номер четыреста, частота семь-семь-сто один. Вы входите в воздушное пространство Музейного комплекса. Согласно правилам безопасности, подтвердите передачу управления для автоматической швартовки.

— Передачу подтверждаю, забирайте, — лениво отозвался Марк и нажал несколько кнопок на приборной панели.

— Швартовочный док номер сорок два, — удовлетворённо сообщил голос. — Приготовьтесь к проверке. Мягкой посадки...

— Что ещё за проверка? — напряглась я.

— Наркотики, взрывчатка... Ничего особенного. — Марк легкомысленно махнул рукой. — Здешние воротилы не особо разоряются на автоматику. В основном закупают простые системы, да и те – использованные, с Земли. Так что это будет лёгкой прогулкой...

Навигатор просчитывал маршрут, принимая команды от автоматики Музея, и наш планер мягко нырнул в облака, следуя вдоль рассчитанной компьютером глассады. Когда машина шла на автопилоте, мне всегда становилось не по себе, ведь мы отдавали жизни на откуп механизмам. А если что-то пойдёт не так – и наперерез выскочит другой челнок, или, чего хуже, тяжёлый грузовой корабль? В плотном облачном слое среагировать не успеешь – даже ахнуть. И теперь мы спускались напрямик на досмотр. «Лёгкая прогулка», сказал Марк... Именно такие моменты сулили совсем не лёгкие проблемы.

* * *

«Джангала». «Джунгли» с древнего санскрита. До шестой, дальней планеты Сектора, его младшей, дикарской дочери, люди добрались где-то с десятков лет назад. Сперва приползли учёные – биологи, генетики, энтомологи, – чтобы препарировать местные непролазные болота и заполнить энциклопедии хитиновыми сокровищами, птицами с перьями, что переливались всеми цветами и воплощали безумие местной природы. Генетики разбирали на части местных обладателей алмазного иммунитета, а сами соревновались в скоростных забегах до ближайшего туалета – стоило только съесть что-нибудь из местной флоры.

Тропические ливни, лианы, которые за считанные дни опутывали жилые модули, что спускались с орбиты, трясина и тучи насекомых с целым бактериальным арсеналом – вот всё, что люди получили доведком к новому дому.

Но следом за наукой пришли и дельцы, и, как водится, завернули ад в гляцевую обёртку. Джангала начала превращаться в гигантский парк развлечений для скучающих миллиардеров.

Продавалось всё. Впечатления, острые ощущения и даже сам воздух, разлитый по баллонам с брендовой символикой. Заплати – и тебе устроят адреналиновое сафари по джунглям в поисках зубастого рипера-невидимки, охоту за бабочками, чья цена измерялась целыми состояниями, или тир с живыми мишенями – обитателями нового мира.

Жаждающие новых забав богачи привезли с собой звонкие деньги и ненасытный спрос на недостающие удобства. Корпорация «Вэйтлесс Дайнамикс» быстро смекнула: если внизу ад, надо поднять рай наверх.

И тогда над джунглями повисли платформы – исполинские летающие города, где было прохладно, комфортно и, главное, не было гнуса. Здесь торговали, заключали сделки, отдыхали после сафари и любовались звёздным небом. Сюда стекались деньги со всего Сектора, чтобы осесть в карманах владельцев этих конструкций, а сонмище аstat-водородных движков и аэростатов подпирало всё это громоздкое, ржавеющее великолепие снизу, удерживая над сплошным одеялом облаков. Как коралловый риф, эти станции обрастали модульным жильём, магазинчиками и мелкими производствами.

И прямо сейчас мы приближались к самой массивной платформе – суетливому полуторакилометровому муравейнику, который был витриной планеты и её пульсирующим сердцем. Здесь продавали всё – безделушки с местной символикой, одежду из дыхательных мембран и чучела – любые, кроме человеческих; сдавали сияющие хромом гостиничные номера для избалованных туристов, а в ресторанах сервировали инопланетные деликатесы, завезённые со всех уголков Сектора.

Но главное – здесь располагался Музей.

Наш билет в свободную жизнь...

Я смотрела на этот сверкающий город в облаках и думала – вот он, финал любой колонизации. Сперва подвиг, затем бизнес, а в итоге – аттракцион. А внизу, под слоем облаков, до сих пор выживают те, кому не повезло попасть наверх. Про них не пишут в туристических брошюрах, но они есть – я знаю. Я сама из тех, кто ползает по земле...

* * *

Тем временем наш планер, словно крот, прогрыз туннель в мокрой туче и теперь медленно дрейфовал к огромному швартовочному шлюзу. Титановый бок Музея, плавно закругляясь, скрывался в стороне, а слева и справа от нас сквозь ливень проступали ряды очерченных яркими сигнальными огнями проёмов.

Кипело броуновское движение – внутрь станции всасывало глайдеры и небольшие грузовички, словно кит заглатывал планктон; наружу выплёвывало челноки и коробки грузовых дронов – юркие, мокрые, тут же исчезающие в молочной мгле.

Автоматика взяла нас за шкурку и поставила в очередь к одному из шлюзов, а из тучи вокруг нас низвергался проливной дождь. Потоки воды стекали по стёклам, и яркое голубое небо, из которого мы несколько минут назад рухнули сюда, теперь казалось выдумкой. Затылок пульсировал в такт дождю – как медный барабан, настроенный на боль. Из шлюза в стороне медленно и неуклюже выбирался толстяк в сине-белой рубаше – десяток двигателей держали его в воздухе, как крепкие друзья-подпорки. Борт медленно проплыл мимо, и я прочитала большие белые буквы: «ПОЧТА РОССИИ».

— Вот и она, вездесущая, — пробурчала я, протирая запотевшее стекло. — Даже сюда своё корыто дотащили. «СДЭК», «Дизэйчэл» и «Амазон» уже давно куда-то делись, а эта всё летает и летает. Весь Сектор захомотала.

— И давненько. — Марк щёлкнул ногтем по приборной панели. — Скупали конкурентов пачками, а кого не купили – тех руками властей прихлопнули. Вояки накачивают «Почту» деньжищами, которые тебе, Лизуня, даже не снились. Гоняют туда-сюда спецрейсы, как свои собственные – только в них не письма, а оружие и всякая токсичная гадость... Такие вот «голуби» целыми стаями над Каптейном кружили, пока шла война...

— Забавно, — я прищурилась. — Страны уже давным-давно нет, а они до сих пор называются «Почтой России».

— Узнаваемость бренда, Лиз – это главное. Когда-то над этой компанией смеялись, про неё сочиняли анекдоты. Кто теперь об этом вспомнит?.. Как-то там было у одного из древних мудрецов... Сначала над тобой смеются, потом на тебя злятся, а затем ты побеждаешь.

— Махатма Ганди, — вспомнила я.

— Он самый, — Марк многозначительно поднял вверх палец. — Государство упразднили ещё в нулевых, но имя-то никуда не делось. И если тебе нужно быстро и качественно перевезти большую партию груза – к кому ты обратишься в первую очередь? Правильно. К тем, про кого сочинили больше всего анекдотов!

Наконец грузовая машина скрылась в густой дымке, путь был свободен, и наш аэрокар вплыл внутрь сооружения. Стену дождя словно отсекло огромным ножом, и через несколько секунд глайдер коснулся металла демпферами на потёртом пузе.

Двери поднялись, и Марк проворно спрыгнул на палубу. Я же натянула на мехапротезы чёрные кожаные перчатки, чтобы не «светить» лишний раз биотитан, и выбралась следом. К нам тут же подкрался регистрационный автобот и вежливо попросил документы. Пока Марк проходил сканирование и демонстрировал наши заготовки, я огляделась по сторонам.

Ярко освещённый, высоченный ангар-великан плавно загибался и по параболе уходил куда-то за пределы видимости. Я оценивала масштабы этого сооружения – сюда легко могла уместиться целая флотилия... Перед операцией Марк внимательно изучал чертежи летающего комплекса, в котором мы оказались впервые, и всё твердил, как заведённый, про швартовочное полукольцо.

Жизнь кипела и бурлила. Сновали роботы-погрузчики с тюками, сумками и коробками, прибывали и отправлялись в путь челноки, а в воздухе царил какофония – смесь голосов, механического перестука, лязга, шуршания материи, гула двигателей. И всё это под аккомпанемент завываний свободно гуляющего по открытой местности порывистого ветра. Чуть поодаль, в ожидании посадки на свой рейс, перетаптывалась кучка дорого и элегантно одетых людей, похожих на чёрно-белых пингвинов. Я поймала себя на мысли, что пытаюсь оценить ёмкость кошельков по одежде, что их окружала... Станный рефлекс, выработанный на лайнере, среди зажиточных людей, что привыкли оценивать. Заразный...

Я перевела взгляд туда, где под передней стойкой большого блестящего лайнера, формой напоминавшего плавно закруглённую сигару, стояли двое пилотов в лёгкой форме и горячо спорили, яростно размахивая руками.

Тем временем автобот закончил формальности с Марком, подкатился ко мне и механическим голосом попросил:

— Пожалуйста, не двигайтесь. Я провожу сканирование и проверку наличия запрещённых предметов. Взрывчатые вещества, оружие, наркотики...

— Да хоть обсмотришься, кусок железа, — отмахнулась я. — Стволы, наркоту и взрывчатку я оставила дома.

Робот проигнорировал сарказм, закончил процедуру и заученно прожужжал:

— Спасибо за проявленное терпение. Хорошего дня!

— И тебе не хворать, — проворчала я, а робот укатил дальше, к прибывшему на соседнюю посадочную платформу обшарпанному грузовичку...

Ну что ж, мы прибыли. Предстояло разведать обстановку и проработать детали плана действий – и, самое главное, не накосячить на деле. Без пристального внимания к деталям вся операция полетит коту под хвост.

Я уверенно направилась в сторону выхода из ангара, Марк последовал. В конце широкой галереи сверкала дюжина лифтов, а оттуда навстречу нам ковыляла группа пожилых туристов – точно стая утят, следующих за гидом, как за мамой-уткой. Я усмехнулась, а туристы, завидев меня, притихли – мой мрачный, вороний образ резко контрастировал с их пингвиньей чопорностью. Взгляд исподлобья, кожаная куртка, перчатки, чёрная же футболка, серые потёртые

джинсы и военные ботинки – всё это было им чуждо и страшно. Старательно отводя взгляды, с деланным безразличием они просеменили мимо...

Помнится, ещё на корабле дядя Ваня высказал одну из своих «гениальных» идей: почему бы нам с Марком не мимикрировать и не притвориться богачами, переодевшись в глянцевые наряды? Благо, был ведь уже опыт на арктическом лайнере... Через пару минут красавчик Марк крутился возле зеркала в костюме-тройке, а я, завидев старика с алым вечерним платьем в манипуляторах, покрутила пальцем у виска...

Интересно, как бы эти интеллигентного вида туристы смотрели на меня сейчас, будь я в роскошном вечернем наряде? Наверное, как на гранату в кружевах. Слишком нарядно для ходячего оружейного склада – протезы военного образца вызвали вопросы и без лишнего внимания...

— Значит, всё началось с исследовательского комплекса? — спросила я Марка, проводив взглядом пожилых туристов.

— Когда здесь нашли рукотворные руины, посуду, украшения, но не обнаружили никаких останков, тогда-то и началась вся эта суета, — рассеянно ответил тот. — Но стоило найти «Книгу судьбы»...

— Ещё один «бесценный» кусок металла, — хмыкнула я. — Дюжина пластин, которые показывают узоры тому, кто на них смотрит. И шепчут на ушко. Идеальный подарок для паранойка с толстым кошельком.

— Учёные несколько лет бьются, а перевести так и не осилили, — Марк понизил голос, будто боялся, что нас подслушают. — Ничего не фотографируется, ничего не сканируется. Всё, что они смогли – так это внести новый элемент в таблицу Менделеева.

— Устали возиться с безделушкой и решили сделать из неё аттракцион.

— Культурная коллегия Сектора быстро смекнула, что на этом можно заработать, — усмехнулся Марк. — И исследовательский комплекс превратили в музей, который стягивает на себя туристов и учёных со всей Конфедерации, как мух... Здесь куча находок с поверхности, а главный гвоздь программы – именно «Книга судьбы». Она здесь всего на три дня, пока длится экспозиция...

«Судьба... А что это вообще такое?», — подумала я. — «Вот я смотрю на свои руки – холодные, чужие мехапротезы, созданные, чтобы ломать, – и понимаю, что почти не помню ничего другого. Никакой иной судьбы. Как держать карандаш, как гладить собаку, как чувствовать тепло – и всё это уже не моё. Воспоминания – единственное, что осталось от меня настоящей. И я не знаю, чьи это руки теперь...»

Поднявшись на лифте, мы вывалились в зал, где свет бил в глаза, будто кто-то поймал солнце и подвесил его под потолок. Витрины сверкали и переливались радужными чешуйками и красками, по потолку скакала голографическая реклама, будто бесчисленный косяк ярких рыбок.

Шум стоял городской: тысяча голосов, топот сотен ног, кто-то смеялся, кто-то ругался, кто-то уже жевал, а кто-то только искал фудкорт. Люди горстками и поодиночке бродили по залу, спешили по своим делам и закупались в магазинах сувенирами перед предстоящей поездкой. По залу сновали роботы-уборщики, до блеска вылизывая пол, в котором окружающую суету передразнивали зеркальные отражения, что двоились, троились, превращая мир вокруг в живой калейдоскоп...

Я отыскала взглядом пилон в центре зала с огромной, усеянной условными обозначениями картой, и потянула Марка за рукав.

— Так... Магазины, туалет, гостиница, спа... — Я водила пальцем по схеме, как по карте сокровищ. — Вот бы сейчас в спа, на хороший-то массаж... Представь – горячие камни, масло сандала и никаких нейрошумов, — мечтательно протянула я, но тут же одёрнула себя:

— Ладно, помечтали – и будет... А вот и главный вход в Музей, в самом центре комплекса. Значит, нам туда.

Я махнула рукой в сторону эскалаторов, исчезавших где-то вверху.

— А может, сначала жракнем? — с надеждой в голосе спросил Марк.

— Ты же на корабле перед самым вылетом две тарелки заложил! — в недоумении воскликнула я. — Сколько можно? Тебя ж раздует, как парус, и нам с дедом придётся выкинуть балласт в вакуум.

— Ладно тебе, не ной... У меня метаболизм как у гоночного двигателя. — Он похлопал себя по животу. — Жгу себя, чтобы светить тебе, сестрёнка. Горю, да не толстею... И скорее ты перестанешь пролазить в дверь, чем я наберу лишний килограмм.

— Дело прежде всего, Марк. — Я выставила затаенный в кожу кулак перед его лицом. — А чревоугодием будешь заниматься потом.

Он широко улыбнулся и попытался приобнять меня за талию.

— Ты же знаешь, что я своего не упущу.

Ловко увернувшись, я невозмутимо сообщила:

— Оглядимся на месте, а дальше будем действовать по плану. Шашки в машине?

— В багажнике, под экраном, как всегда.

— Линзы?

Марк молча указал пальцем на глаз.

— Тогда вперед. — С этими словами я двинулась в сторону эскалатора. — Понюхаем, чем их вентиляция пахнет.

По лабиринтам заполненных людьми коридоров мы добрались до центрального атриума станции. До отказа заполненный кошельками в пиджаках, предбанник Музея был монументален – по бокам арочного входа нас встречали две огромные каменные статуи воинов – на головы их были нахлобучены подобия бургиньотов, в руках сверкали трезубцы, а рельефные латы покрывали тело.

Такими, по мнению скульптора, могли быть покинувшие свой дом обитатели Джангалы...

И что это за бред? Аляповатый китч, смесь экипировок из всех исторических эпох Земли. Но кто я, чтобы спорить с деятелями искусства, особенно когда сильные мира сего ходят мимо результата их трудов с открытыми рта? Лишь бы бабки несли...

Сверху раздалась мягкая трель – наши посетительские абонементы, купленные за баснословные деньги, были отсканированы и подтверждены, и наконец мы оказались в главном зале.

Куполообразная макушка Музея торчала прямо сквозь облака, и сквозь прозрачный потолок в огромный неф струился рассеянный свет местного светила, а на чёрно-фиолетовом небе едва проступали тусклые точки далёких звезд. Стены были увешаны художественными фресками, изображающими предполагаемый быт и архитектуру цивилизации, что когда-то владела этой планетой. И снова здесь – безудержная фантазия пост-авангардистов-самоучек. Холст. Масло. Пластик, подделка под красное дерево и неон.

Чуть сбоку широкая резная каменная лестница полукругом уходила на открытую смотровую площадку – оттуда веяло холодом даже несмотря на тепловой экран, отделяющий лестницу от остального помещения.

У дальней же стены, под каменным обзорным балконом, накрытая стеклянным коробом, покоилась она – «Книга судьбы», выставленная на самом видном месте. Издали казалось, что по позолоте плывут чёрные пятна, рисуя причудливые узоры. На миг даже почудилось, что эти узоры клубятся, как снежные вихри от тонушей в снегах Кенгено...

Я тряхнула головой.

«Галлюцинация. Сбой нейроинтерфейса. Определённо сбой».

По сторонам от артефакта стояли двое охранников и скучаяще разглядывали посетителей, намеренно отводя глаза от артефакта – и я теперь понимала, почему. Полусонный взгляд одного из них на секунду задержался на мне и скользнул дальше.

— Лиза, что видишь? — спросил Марк.

— Наши тридцать миллионов, светящиеся в позолоте, — прошептала я, стараясь смотреть на «Книгу» боковым зрением – почему-то от узоров начинало мутить. — Они здесь. Только руку протяни.

— Теперь нужно сделать так, чтобы эту нашу руку не откусили...

Я мысленно включила сигма-сканер, и мир накрылся зелёной вуалью изображения с тактических линз. Теперь я видела то, что было скрыто от взора – под самым потолком периметр выставочного зала был усеян скрытыми автоматическими турелями. Лазерная сетка паутиной покрывала купол с «Книгой» внутри, а за неприметной дверью скрывалось сторожевое помещение с дюжиной вооружённых охранников, которые по первому сигналу были готовы появиться, словно черти из табакерки.

— Вижу турели под потолком, шесть штук, — вполголоса сообщила я. — Охрана на раслабоне, но если чихнуть – легко превратится в град пуль. За скрытой дверкой за колоннадой – взвод бойцов... «Лёгкая прогулка», ты говорил?

— Тихо, не буди эхо, — пробормотал Марк. — Похоже, институтские хорошо постарались под выставку.

Переть в лоб и просто вынести «Книгу»? Без шансов. Как и предполагалось изначально, нужно устроить искусственное задымление, вызвав панику – и там, в дыму сделать дело... Вентиляция. Узкая решётка в настенном углублении ярусом выше. Вторая, третья...

Я изучала обстановку, а Марк тем временем, гармонично вписываясь в окружающий бомонд, неспешно обошёл зал и поднялся на балкон. Сделав несколько шагов, облокотился на перила прямо над «Книгой». Он переводил взгляд с одной фрески на другую, с нарочито умным видом разглядывая изображения, однако я знала – сейчас посредством его глаз наш пожилой координатор, оставшийся на корабле, прошупывает систему охраны, снимает параметры и прикидывает, как долго сеть музея будет бороться с вирусом, который перегрузит и отключит систему датчиков и сенсоров в зале...

На самом краю зрения возникла тень. Инстинкты взвыли сиреной раньше сознания, зрачки расширились – я почувствовала это физически, – а биомеханика ног уже швырнула меня в сторону прежде, чем мозг сообразил: что-то огромное летит сверху напрямиком в купол.

Грянул металлический гром, и свод с лязгом протаранила грохочущая груда железа, обрушиваясь прямо туда, где я только что стояла. Обнаружив себя возле стены, я прикрыла лицо рукой – купол над залом превратился в осколочный дождь из стекла, армированных прутьев и осколков пластика.

Ножом в ухо завизжала сирена, а люди – муравьи посреди топчущего стада бизонов – кинулись врассыпную.

Загрохотали под потолком охранные пушки. Секунду спустя я бессильно смотрела, как к выставленному напоказ артефакту уверенно шагает трёхметровый боевой робот, чьи суставы выгибались под нечеловеческими углами, а конечности-пулемётные грозди, раскинутые в стороны, поливали потолок ответным огнём. Кузнечик-убийца, механический бог войны, сошедший с чертежей безумца, не замечал никого – ни людей, ни охранников, застывших с открытыми ртами. Он шёл на «книгу», и лишь от бронекупола робота с искрами отскакивали пули, рикошетами выбивая звонкую крошку из мраморных стен.

Оглушительное эхо канонады затихало по мере того, как орудия под потолком один за другим выходили из строя. Мне же только и оставалось наблюдать, как бот подступил к реликвии и ударом стальной лапы сочно расколотил стеклянный колпак. Манипулятор, словно жало,

выстрелил из его чрева, впился в пластину «Книги» и спрятал её под броню, как простую сувенирную ложку. Остальные секции, будто на невидимых нитках, затянулись следом.

Развернувшись, он всё так же невозмутимо зашагал в сторону лестницы к смотровой площадке. Из охранного помещения уже вырвались полдюжины бойцов – рассредоточиваясь по залу, они полосовали пространство нефтяными магнитными винтовками. По корпусу машины с треском разливались молнии электрических разрядов, но бот не обращал на это никакого внимания.

Я – вдоль стены, гуськом, в сторону лестницы. Робот прорвался сквозь тепловой экран и, с хрустом ломая каменные ступени, поднимался вверх, на тяжёлый басовитый гул. В несколько прыжков я добралась до ступеней и стала восходить следом, пока навстречу с ужасом в круглых глазах бежали ослепевшие посетители Музея.

Механизм добрался до края площадки, а сверху тем временем спускался источник гула – древний пузатый транспортник без опознавательных знаков с откинутой грузовой рампой, словно с высунутым языком. Реактивное пламя сбегало с пола площадки металлические листы и сдувало их прочь, в сторону.

Рампа корабля грохнулась о твёрдую поверхность, робот тяжело прошагал по ней и скрылся в тёмных недрах машины. Грузовик же, накренившись, неловко развернулся, с лязгом срезал трапом кусок площадки, с рёвом обдав всё вокруг реактивной струёй. Жар полыхнул в лицо с расстояния в добрую сотню метров – и гулкий хлопок рассёк воздух.

Неизвестный корабль на форсаже рванул прочь.

Рядом появился запыхавшийся Марк. Его некогда великолепный коричневый костюм-тройка был покрыт пылью и ободран, словно у опустившегося интеллигента.

— Ну что, Лизонька, — протянул Марк, почёсывая затылок. — Как тебе представление? Чутко грубовато, но с размахом. Ребята-то не церемонятся. Есть чему поучиться, да? — Он пихнул меня локтем в бок.

Скрипя зубами от злости, я стояла и бессильно наблюдала, как наша «Книга» и тридцать миллиардов, помавав на прощанье крылом, убывали в неизвестном направлении...

* * *

... Ни юридически, ни фактически дядя Ваня уже не был человеком. От человека у него остались лишь мозг и корешок позвоночного столба, погружённые в жидкость внутри жёсткого металлического каркаса, – командный центр для всей этой сложной архитектуры, к которому он подключал всё новые и новые модули. Постепенно обрастая нелегальными механизмами, он превратился в странную помесь промышленного робота и кофеварки.

Старик был скромен, и так же скромно величал себя мозгом команды. Он держал на себе транспорт и информационную часть нашей деятельности – проводил разведку и вторгался в любые доступные сети, чтобы ввести в заблуждение систему охраны, подбросить «утку» для отвлечения внимания или зачистить наши следы. Помимо прочего, он был отличным врачом и мастером горячих напитков.

А ещё он умел создать вокруг себя какую-то лёгкую домашнюю атмосферу, подогревая непринуждённую беседу этакой дедушкиной заботой – вежливо усаживал в мягкое старомодное кресло, походя угощал бодрящими напитками, вынимая откуда-то из недр своего стального брюха керамическую кружку. Он по-доброму шутил, старомодно хохмил и сыпал бородатыми анекдотами.

Биологический возраст деда давно перевалил за сотню лет, а его единственным местом обитания был наш «Виатор» – из-за всех его имплантов ему запрещалось появляться на поверхности планет, и корабль уже давно стал его настоящим домом. Деда это, впрочем, не беспокоило. Напротив – он извлёк из этого множество плюсов, умудрившись превратить старое списанное грузовое судно в настоящую обитель уюта. Коридоры и каюты были устланы безумно дорогими киносурианскими коврами с замысловатым рисунком, коих старик собрал

целую коллекцию; в жилых отсеках тут и там в прикрученных к полу «умных горшках» обитали цветы, кактусы и кустики, собранные по всему Сектору, и старик умудрялся ухаживать за всеми.

Он осваивал одно хобби за другим – от вязания переходил к изготовлению плюшевых игрушек, от собирания многосложных трёхмерных пазлов из тысяч кусочков – к покорению высот кулинарии, от живописи – к изготовлению деревянных фигурок. Полдюжины механических манипуляторов могли дать фору любой самой умелой паре рук, а материалы и ингредиенты, которые он заказывал через сеть, доставляли прямо на корабль курьерские службы.

Дядя Ваня явно получал удовольствие от такой странной жизни, по которой передвигался с помощью пары прорезиненных гусеничных траков, питаясь глюкозным коктейлем и энергией корабельных батарей.

И лишь одно оставалось под плотным покрывалом тайны – его прошлое. О нём старик не говорил никогда, словно за той дверью не было ничего, кроме глухой каменной стены...

* * *

Откидная дверь глайдера была поднята. Свесив ногу наружу, я полулежала в водительском кресле и крутила верньер допотопной спутниковой рации, вслушиваясь в шорох и гул атмосферных помех. Марк, как водится, утопал набивать брюхо. Его хлебом не корми – лучше накорми его каким-нибудь деликатесом. Казалось, он поставил себе единственную цель – ответить всего на свете...

Дядя Ваня, техник старой закалки, не доверял лазерным пучкам и квантовым передатчикам – слишком легко перехватить сигнал, слишком сильная зависимость от погоды и орбит – поэтому поставил на «Виатор» пару спутников-ретрансляторов, а на глайдер допотопную, но надёжную, как швейцарские часы, рацию. Анахронизм стал нашим козырем – как и слой шифрования, через которое посторонние слышат только треск помех.

Радиус – до стратосферы, не больше, однако для работы вполне хватало. А чтобы мы не потерялись в эфире, Ваня крутил на частотах старинные песни, которые называл «советскими». Странные песни – наивные, простоватые, без понтов, но цепляющие за шкуру и поднимающие с дивана на подвиги...

Снаружи, в бесконечном пространстве ангара из парковочной ниши я наблюдала муравьиную суету. Сразу после происшествия, спохватившись, явилась планетарная полиция со всего полушария. Тяжёлые голубые фургоны один за другим прибывали на станцию, исторгая из своего чрева десятки полицейских. В синих мундирах, перетянутые ремнями, в галифе и белых касках они с важным видом расхаживали туда-сюда по летающей станции, проверяя документы у случайных прохожих, допрашивая охрану и в целом создавая видимость бурной деятельности. Смысл в их присутствии после перестрелки стремился к нулю. Скорее, они просто воспользовались случаем сбежать с душной поверхности Джангалы хотя бы на время. Их можно было понять...

Из радиоприёмника послышалось:

И звёзд, и земли целина..... Дорога, вдаль идущая, – Наш первый шаг в грядущее.

— Ну наконец-то! — воскликнула я и в нетерпении щёлкнула тумблером, сменив радиорежим на передачу. — Дед, у нас тут небольшая накладочка вышла. Кто-то вломился в Музей с боевым ботом и прямо у нас из-под носа увёл артефакт. С крыши его забрал тяжёлый «крыс» то ли восьмого, то ли девятого поколения – в суете не успела разобрать. Опознавательных знаков не было...

Сквозь шипение искажённый помехами и модулятором дребезжащий голос Вани прошестел:

— У меня все ходы записаны. Этот незванный гость ускакал на тёмную сторону Джангалы, где его минут пять назад подобрал большой военный «Голиаф» Конфедерации. «Голиаф» махнул крылом и был таков – до сих пор висят квантовые возмущения от гиперпрыжка. В радиусе

тысячи километров на поверхности повыбивало всю электронику – слишком низко он висел... Ты бы знала, что сейчас творится в эфире... — Подобие добродушного смеха донеслось из динамика. — Происшествие невиданного масштаба для этой дыры. Все на ушах, носятся и не знают, что делать...

Я переваривала полученную информацию.

«Матрёшка, значит. «Книга» в работе, робот в грузовике, грузовик в флагманском линкоре Конфедерации, – а линкор сейчас летит через гипер, и его след стынет с каждой секундой. Даже дяде Ване понадобятся месяцы, чтобы расшифровать траекторию прыжка».

По всему выходило, что музейную реликвию похитили военные. И не просто похитили, а использовали для этого военный «Голиаф» с единственным прототипом прыжкового двигателя. «Не слишком ли много чести для какого-то музейного экспоната?» История крайне странная, и одно никак не вязалось с другим. Я молчала, а Ваня тем временем продолжал:

— Ты там только не нагружайся раньше времени. У меня кое-что интересное есть – мы с Надей тут посмотрели-поглядели телеметрию полётов, да и высмотрели точку взлёта грузовичка с планеты. Он вчера спустился в джунгли и простоял там почти полсутки... Сейчас, Лизонька, скидываю тебе координаты... Посмотрите там с Марком, что к чему, может и найдётся какая зацепка. А я пока посижу с данными голиафова прыжка. Возможно, нарою чего...

— Спасибо, дед, — ответила я. — Свистну тебе, когда надо будет водичку кипятить.

Я отключила приемник... и вовремя. Двое полицейских, подбоченясь, направлялись к глайдеру. Один из них встал поодаль и, важно расставив ноги, осматривался по сторонам, а второй подошёл, коротко приложил руку к козырьку шлема и произнёс дежурную фразу:

— Младший шериф Уиллард, спецполиция Джангалы. Можно увидеть ваши документы?

— Конечно, офицер, сейчас, — спохватилась я. — Где-то они у меня тут...

Я похлопала себя по карманам, и вдруг в макушку молнией ударило осознание – я ведь так и не забрала паспорт у Марка! Нажатием пальца под скулой я включила коммуникатор. Сплошные помехи – похоже, они решили заглушить на станции все частоты. Этого только не хватало.

— Кажется, мой друг прихватил с собой мои документы, — сказала я с наигранной беззаботностью. — Можем подождать – он недалеко, минут через пять будет.

— Боюсь, это невозможно, — возразил полицейский. — Вам придётся пройти с нами в отделение.

Я закатила глаза – дела становятся всё лучше... Как обычно, меня подвело презрение к бюрократии. «Носи документы с собой!» – каждый раз закликаю я себя и каждый раз пренебрегаю собственным дельным советом...

Заперев транспорт, в сопровождении полицейских я покинула парковочную нишу, и мы направились в глубь станции. Петляющие коридоры привели нас в местный «околоток», полный важно суetyащихся копов. Они выходили и заходили, приводя с собой и уводя каких-то уборщиков, официантов, туристов и даже грязных бомжей – оказывается, бездомные способны пробраться даже в места вроде этого. Мельком среди задержанных я заприметила пару опрятных джентльменов, которые активно жестикулировали и взволнованно втолковывали одному из непреклонных офицеров что-то про грозящую сорваться посадку на межпланетный чартер, торговлю акциями и совещание с собственниками. Из-за соседней двери доносились надсадные крики – не стесняясь в выражениях, кого-то распекал начальственный голос из селектора.

Миновав коридор, мы очутились крошечной комнатушке. Следом за мной вошёл полицейский – ещё один. Совсем молодой юноша – румяный, будто его только что сдёрнули с рекламы молока. Он запер за собой дверь и жестом указал мне на металлический стул, а я села и улыбнулась самой невинной улыбкой, которую смогла выдать. В руках копа словно из ниоткуда возник синий планшет, а сам он опустил напротив меня и снял каску, обнажая взъерошенную светлую шевелюру.

— Младший инспектор Николс, — представился он, и голос его сорвался на полтона выше, чем ему, должно быть, хотелось. — А вы... — Включив устройство, он принялся сосредоточенно зачитывать с экрана, будто боялся, что данные сбегут, пока он договорит: — Волкова Елизавета Александровна, две тысячи сто двадцать четвёртого года рождения. Место рождения – планета Кенгено Икс, Симерийская окружная больница... Ага... Модификации – сорок процентов тела. Так... В тридцать девятом найдена у ворот интерната имени Каниди на Каптейне-4 с памятью, как у новорождённой... Здесь пробел... Через несколько месяцев вас усыновил Алехандро Сантино... Да уж... А дальше – сплошные пометки. Мелкое хулиганство, кражи, нарушение общественного порядка, нанесение телесных повреждений...

— Все долги погашены, я чиста как стёклышко, — сообщила я и откинулась в кресле. — Но если хочется зря потратить время, ищите дальше.

— Май тридцать девятого... Большой Исход с Кенгено... — Он беззвучно шевелил губами, занятый какими-то расчётами, пока я ждала со скучающим видом. — Между Исходом и регистрацией в интернате – дыра в двадцать пять дней... — Полицейский с любопытством посмотрел на меня поверх планшета. — Кстати, мой дядя там пропал – работал в спасательной службе, когда всё случилось... Они даже улететь не смогли – на всех просто не хватило кораблей. Так и забились в здании местной ратуши в ожидании помощи, которая не пришла... Как вы через это прошли?

— Неужели нельзя просто проверить документы? — устало вздохнула я. — Зачем всё это? Для чего рвать старое?

— Живых с Кенгено можно по пальцам пересчитать, — пробормотал он, и в этот момент он был не инспектор, а мальчик, который всю жизнь хранил старую форму дяди. — Не каждый день встретишь человека, выжившего в Большом Исходе.

«Может, соврать?» — мелькнуло в голове. — «Или потребовать адвоката? Впрочем, начни я сейчас залупаться, потеряю кучу времени... Наверное, лучше рассказать, как есть. А про железки сами накопают. Если смогут».

Я выдохнула сквозь зубы:

— Ну что ж, младший инспектор Николс, раз уж вы настаиваете... Только без обид, если история окажется не для ваших ушей...

Глава II. Исход

... Небольшая планета Кенгено в системе Луман-11 была почти сестрой-близнецом Земли – райский мир, куда моя семья перебралась за год до моего рождения, обменяв Поволжье на обещание рая. После запуска первых Врат сюда хлынула лавина переселенцев, и за три десятилетия цивилизация разрослась до невероятных масштабов. К моменту «Великого Исхода» население Кенгено перевалило за полмиллиарда – последняя вершина на графике его численности...

Мне тогда как раз стукнуло пятнадцать. Наш светлый дощатый дом стоял на рубеже двух миров – спокойного поля и дремлющего леса. Отец, прирождённый отшельник, любил природу куда больше людей, поэтому мы жили в стороне от шумных трасс, и лето было бесконечным пиром, сходящим прямым с грядки, а зима – временем, согретым мамиными вареньями. Летом, закатанным в банки.

Мой старший брат Юра при первой же возможности сбежал из этой идиллии в большой, шумный город. А я осталась.

Моим миром были хрустальная вода, воздух, прозрачный как стекло, и перекличка лесных ронж с полевыми коростелями. Я училась в сельской русскоязычной школе, и каждое утро на просёлочной дороге появлялся большой оранжевый автобус, верный металлический конь, чтобы унести меня в обитель знаний и к вечеру бережно вернуть обратно. Жизнь текла неспешно, ленивой и полноводной рекой унося день за днём...

* * *

Светило и пригревало солнце, разливая по школьному двору волны мягкого белого тепла. На дворе стоял конец мая, и неумолимо приближались летние каникулы. Сидя за партой у окна, я разглядывала огромный дуб, что возвышался в центре школьного двора, и считала часы до свободы, поэтому монолог учительницы пролетал мимо ушей...

Что-то прилетело в затылок, и я встрепенулась. Через ряд на меня, сияя как масляный блин, глазел конопатый Руперт, а в проходе валялся скомканный листок бумаги. Училка отвернулась к доске, а я наклонилась и подняла комок. Поглядим, что задумал рыжий... Наверное, опять потащит в лазертаг после уроков... Вообще-то, мне нравилось носиться между укрытий наперевес с лазерным пистолетом, отстреливая Руперта, Мишку и Эдварда из параллельного класса, но походы по три раза в неделю уже срикошетили по моей успеваемости.

Я развернула бумажный комок и прочла: «Папа сказал, что я могу взять кого-нибудь с собой на Землю на каникулы. Волкова, полетели!».

А внизу мелкими буквам было приписано: «Ты одна не ржёшь над моими веснушками».

Я обернулась. Руперт изображал лицом что-то среднее между мольбой и... отчаянной мольбой. Я показала ему большой палец – мол, подумаю, – и снова отвернулась к окну.

Земля. Два с половиной световых года – не так уж много по меркам Сектора, но перед каждым путешественником вставал выбор: четыре года в камере криосна или баснословная сумма за коммерческий гиперпрыжок. Обратный прыжок стоил в разы дешевле – наверное, на Земле не очень-то ждали заезжих с других уголков Сектора, но зато улететь к чёрту на куличики было проще простого. Вряд ли родители Руперта отправят его в восьмилетние каникулы. Значит, будем прыгать. Руперта я знала давно – его родители были побогаче моих, но чтобы настолько...

А каникулы уже на носу. Что сказать родителям? Отпустят ли? Надо думать уже сейчас, а не потом. Ведь «потом» может и не случиться...

Снаружи, за стеклом резко громыхнул жестяной подоконник, вздрнутый порывом ветра. Я вздрогнула от неожиданности и выглянула в окно – ветви векового дерева трепались на ветру, а сам дуб заметно качало из стороны в сторону. По школьному двору неслись клубы пыли,

а слева, из-за угла школы напознала чёрная зловещая туча, закрывая собой бело-синее небо. Отсюда, из-за стекла, я видела, как на фоне этой тучи мелькали молниеносные кляксы птиц – все они летели по ветру. Казалось, они спасаются бегством от тёмной громады, постепенно растекавшейся по синеве. Вот уже желтоватый Луман скрылся в черноте, нырнул в неё, словно в прорубь, и мир мгновенно погрузился в полумрак.

В окно теперь таранилась не только я. Мои одноклассники молча и встревоженно всматривались сквозь стекло в недобрую хмарь.

— Дети, я, конечно, понимаю, что всё это очень красиво. — Мария Семёновна постучала указкой по столу. — Я бы сказала даже, что погода за окном под стать теме нашего урока. Нам осталось разобрать «Сказку о живой царевне и о семи богатырях» – и я отпущу вас на заслуженный отдых... Лиза, расскажи нам, какова мораль этой сказки?

— Мораль, — протянула я, с трудом отрывая взгляд от двора. — Как и у любой сказки Пушкина, мораль в том, что доброта и честность всегда побеждают зло.

— Верно, — кивнула учительница. — А ещё?

А что ещё? «Что это ещё за хрень?» — думала я, не в силах отлепить взгляд от завесы – чёрной, как уголь.

— Волкова!

«Вытягивает меня на пятёрку», — мелькнуло в голове.

— А ещё в том, что на пути к цели нельзя сдаваться, — почти под нос бормотала я. — Нужно всегда идти вперёд, что бы ни случилось, и...

Резко, без стука распахнулась дверь. На пороге класса стоял директор школы Борис Иванович.

— Мария Семёновна, — сказал он и скрылся в коридоре. — Выйдите пожалуйста на минутку, нам нужно переговорить.

Класс проводил учительницу недоумёнными взглядами, и когда дверь за ней закрылась, дети принялись тревожно перешёптываться. Поглядывая в окно, Захар вслух вспомнил научно-популярные передачи про стихийные бедствия – смерчи, торнадо, ураганы, – и гомон усилился. Все уже забыли про Пушкина и его живую – в зачем-то переименованном оригинале мёртвую – царевну, а мною овладело волнение – я ещё никогда не видела торнадо.

В здешних широтах ураганы не случались ни разу – лишь далеко в океане иногда гуляли разрушительные циклоны, но вся их мощь иссякала на побережье. Тектонические разломы были далеко, сильных перепадов температур не бывало, поэтому жили мы тихо и спокойно – даже скучно.

Дверь распахнулась снова, вернулась Мария Семёновна и скомандовала:

— Внимание, дети! Собираем вещи, а затем спокойно, организованно собираемся в коридоре. У нас сегодня тренировка по ОБЖ, будем отрабатывать эвакуацию из здания.

Класс зашевелился, зашуршала бумага, заскрипели по старому паркету стулья. Вынув из ранца телефон, я убедилась: связи не было. «Да, конечно, тренировка по ОБЖ. Так мы все тебе и поверили». Быстро упаковала учебники и тетрадки, втиснулась в зазор между Викой и Пашкой – и наша нестройная процессия гуськом высыпала в коридор. С этой стороны здания сквозь окна я видела только угольную тучу с прожилками, что полностью заволокла небо. По стеклам горстями сыпала мелкая шуршащая крошка – то ли снег, то ли мелкий град вперемежку с летящим песком.

Стройной колонной мы спустились на первый этаж, а напротив выхода, на площадке нас уже ждали школьные автобусы. Целый автопарк. Они покачивались на ветру и будто ссутулились; некогда яркие борта апельсинового оттенка поблели и выцвели, а рядом с машинами, придерживая кепки, кучно сгрудились водители и что-то обсуждали с матерком. Порывы ветра трепали их костюмы, словно перья замёрзших чёрных грачей.

Холл был полон галдящих детей – все остальные классы уже вывели из кабинетов, и ученики, гомоня и балагурия, тонкой струйкой сочились на улицу через открытую створку двери. Один за другим, пересчитанные учителями на выходе, исчезали в машинах. А справа вдруг раздался взволнованный приглушенный голос Семёновны:

... — Борис Иванович, мне кажется, вы совершаете ошибку. Их же сдует по дороге – вы посмотрите, какой там ураган поднимается. С комиссией не связаться... Если случится происшествие...

— Я всё понимаю, но у меня нет другого выбора. — Директор постучал пальцем по стеклу наручных часов. — Анатолий с метеостанции выразился предельно ясно – остались считанные часы. Мне плевать, что скажет комиссия, и я скорее прислушаюсь к словам племянника, чем оставлю детей тут. Я не хочу, чтобы эта школа стала для них ловушкой. Нельзя оставаться, понимаете...

Словно почувствовав на себе взгляд моих распахнутых глаз, они разом обернулись. Борис Иванович аккуратно взял Марию Семёновну под локоток и повёл а сторонку, и их тихий разговор растворился в общем гаме. Услышанное накрепко засело у меня в голове.

Будто в подтверждение нервозности заторопившихся учеников, за окном на боковую стену школы с треском повалилось сломавшееся дерево. В стороны полетели ветки, и снаружи по асфальту зазвенели осколки разбитого окна. Сквозняк с гулом понёсся через всё здание к открытым дверям. Былая организованность испарилась, и оставшиеся в холле ученики, подгоняемые ветром, принялись ломиться наружу, расталкивая друг друга. Из-за голов одноклассников я слышала голос завуча:

— Спокойно, не спешим, все успеют выйти! Не напирай, Кондратьев! Не напирай, пропусти одноклассницу!.. Сколько у нас ещё?..

— Двадцать пять, — ответил кто-то.

Наш класс выходил последним. Я как заворожённая смотрела наружу, где за металлической оградой возле будки охранника порывы ветра обрывали ветви рощи и беспощадно трепали живую изгородь. Я словно кожей чувствовала треск древесины, было страшно выходить наружу. В голове роились вопросы. Куда нас повезут? И как же там мама с папой? А Юра? Я снова взглянула на мобильный телефон – связи не было. Знают ли они, что происходит?

Меня начинала бить нервная дрожь, когда я почувствовала, как кто-то схватил меня за локоть. Я обернулась и увидела рыжую физиономию Руперта. С натужной беззаботностью в голосе он сообщил:

— Это ж просто ураган! Лиз, всё будет пучком, я тебе точно говорю! Я помню, мне лет десять было, я тогда жил на берегу Унакойды. Вот почти такой же шторм разыгрался! — В голосе его сквозило восхищение, словно он предвкушал поездку на каком-то аттракционе. — Тогда аж крышу с дома сорвало! Папа неделю возился, разгребая завалы во дворе! Вот это была настоящая стихия! А это разве шторм? Так, лёгкий ветерок. Переживём!..

Мы с Рупертом выбрались из школы последними, завуч сделала пометку и подтолкнула меня вперёд, в когтистые лапы леденящего колючего вихря. Острая холодная крупа хлётко била по лицу, а из клубов поднимаемой пыли, шурясь на ветру, навстречу показался Родион – водитель нашего автобуса, – помог нам добраться до раздвижных дверей и втолкнул внутрь. Двигатель уже работал, урча и всхрапывая, мы пробрались между рядами и заняли места на возвышении в хвосте автобуса.

В воздухе стоял галдёж, а машина шаталась от порывов ветра, будто аттракцион. За стеклом отчаливали первые автобусы, исчезая во мгле, теряя очертания, будто корабли в шторме. В дверях показалась Мария Семёновна, заняла свободное место, а следом внутрь вскочил взъерошенный Родион. Сорванную с его головы кепку ураганный ветер уже швырял где-то по двору.

— Ну, стартуем! — скомандовал шофёр, плюхнулся на водительское сиденье и включил передачу.

Тронулись. Я обернулась, провожая взглядом двухэтажное здание родной школы. Сердце подсказывало, что нам не суждено уже сюда вернуться, и через минуту занесённый оборванными ветками двор остался позади, скрылся в вихре растревоженных листьев. Автобус вместе с колонной вырулил на шоссе – движение было предусмотрительно перекрыто красно-голубыми машинами с мигалками, – и наша процессия под ударами шквального ветра в сопровождении дорожной полиции направилась в сторону районного центра. На дорожном указателе значилось: «Симерия, 20 км» ...

* * *

Родион крутил верньер радиоприёмника, пытаясь поймать хоть какую-нибудь трансляцию, но кроме шипения помех динамика не выдавал ничего. В сердцах плюнув, водитель бросил эту затею и сосредоточился на дороге.

За окошком неторопливо плыли поля, которые хмурое тёмно-серое небо уже обильно посыпало мелким снежком. Безжалостный ветер с размаху, щедрыми горстями швырял его в стекло, пытаясь ворваться сюда, в автобус. Похолодало, меня знобило, и это было неувидительно – температура градусов с двадцати за считанный час опустилась ниже нуля, на что явно не была рассчитана наша школьная форма.

Водитель включил печку, и она жужжала откуда-то из-под сидений, приятно согревая ноги. Тёплый воздух поднимался вверх, поэтому стекло запотевало, и приходилось раз в несколько секунд протирать его ладонью – я боялась оторвать взгляд от гнущихся кустов и постепенно белеющих пашень, будто от меня что-то зависело.

Позади нашей колонны выстроилась длинная, насколько хватало глаз, очередь из автомобилей. Обогнать никто не пытался – только один раз несколько больших чёрных машин также в сопровождении патрульных машин пронеслись вперёд по встречной полосе. Встречное же движение отсутствовало напрочь.

Вскоре время мы въехали в черту города, и колонна ощутимо замедлилась. Снаружи, сквозь круговерть проступали силуэты многоэтажных домов.

Симерия. Районный центр, куда мы с классом стабильно ездим раз в квартал. Здесь всегда было солнечно и пыльно, а воздух благоухал нагретым асфальтом, но теперь город было не узнать – словно кто-то сунул его в морозильник и накрыл сверху серым одеялом.

Почти во всех окнах горел свет – на улице было уже темно, хотя время едва перевалило через три часа. Люди на присыпанном снегом тротуаре были одеты кто во что горазд – осенние куртки, свитера, а то и просто рубашки в несколько слоёв. Никто не ждал такого холода. Здесь вообще не бывало холодов – даже зимой температура редко опускалась ниже десяти. Наш климат был застывшей в совершенстве мелодией – ось Кенгено, в отличие от земной, не знала наклона...

Некоторые люди были налегке, другие тащили за собой по наметённым сугробам сумки с поклажей – ручные и на колёсиках, – и все они были застигнуты стихией врасплох...

Неожиданно печка замолкла, и шофёр раздосадованно буркнул:

— Ну вообще здорово, теперь ещё и печка сдохла! Осталось только тут заглохнуть для полного счастья...

Я повернулась к сидящему рядом Руперту:

— Ты слышал разговор Семёновны с Борис-Иванычем?

Тот отрицательно покачал головой.

— Он сказал, что у нас остались считанные часы, поэтому нас нужно скорее увозить из школы. Ты же видишь, что это бегство, правда? — Я выглянула в окно, где ветер гонял над тротуаром снежное коловращение. — Меня всё это до жути пугает. Телефоны не работают. Все едут в одну сторону, а в обратную – никого. Это ж натуральное бегство.

— Бегство? Но куда? — Брови на хмуром конопатом лице сошлись над переносицей.

— Не куда, Рупи, а откуда... С планеты. В Симерии ведь аэропорт и космопорт. Вот все туда и едут.

— Наверное, ты права. — Руперт поёжился. — От чего бы нас ни спасали, это должно быть очень серьёзно... Бррр... Холодно-то как... Смотри-ка, стекло инеем покрывается... Вот, Лиз, возьми. — Он расстегнул рюкзак, достал оттуда свитер и ткнул им в меня. — Мама всё время боится, что я опять простужусь, поэтому заставляет таскать его с собой. Мне-то хоть бы что, у меня иммунитет, а тебе он точно пригодится.

— Спасибо, Рупи. — Я натянула на себя мягкий пуловер и спрятала ладони в шерстяные рукава. — Твой свитер очень кстати, у меня уже пальцы замерзают...

Холод забирался под одежду, под кожу, в самые кости, и мне казалось, что он останется со мной навсегда. Что поселится в кончиках пальцев и больше никогда не уйдёт.

«Это временно», — думала я. — «Согреюсь – и пройдёт... А в корабле отогреюсь... Может, там даже еду разносить будут...»

Рупи, кажется, представил то же самое и с придыханием пробормотал:

— А может, нас отвезут на Землю? Было бы здорово!

— Я не хочу на Землю, — сказала я и выглянула в окно. — Я хочу домой, к родителям.

Словно черепаха, наш автобус медленно и уныло полз через утопающий в сугробах город. Спереди внезапно раздался возбуждённый юношеский вскрик:

— Родион Палыч, радио! Сделайте погромче!

Сквозь помехи прорывались обрывки мужского голоса, монотонного и нарочито безэмоционального, от чего становилось ещё страшнее:

... — поглощает свет и глушит все типы электронных сигналов. Сотовая связь временно переводится на ... .. объявлена всеобщая эвакуация. Воздушные войска мобилизованы и предпринимают все возможные усилия, чтобы ... .. отстоит от планеты на тысячу двести пятьдесят ... .. воздушного движения рекомендовало выбрать южные маршруты...

В автобусе стояла звенящая тишина – говорил лишь радиоприёмник, да фоном урчал двигатель. Вскоре передача оборвалась, и диктор начал заново. Ситуация была нерадужная: массивная чёрная сфера нависла над северным полюсом Кенгено и неким образом стремительно разрушала атмосферу планеты, чем вызвала стремительное похолодание. Было в этой трансляции что-то про военных, которые вот-вот дадут отпор неопознанному объекту, про то, что именно сейчас важно избегать паники...

Но я уже не слушала.

Мой мир умирал.

Этот рай с его тремя суперконтинентами и неглубокими, живыми океанами был идеальным кандидатом для колонизации – азотно-кислородная атмосфера, мощное магнитное поле и почти полное отсутствие стихийных бедствий. Я вспомнила урок географии. О том, как далеко отсюда тектонические разломы, как циклоны гаснут ещё на побережье, и о том, как Кенгено называли самым безопасным местом во Вселенной. Идеальный кандидат... пока эта штука не появилась...

Стало вдруг нехорошо, замутило и закружилась голова – возникшая в воображении ледяная пустыня лишала остатков сил. Я чувствовала себя загнанной в ловушку, из которой нет выхода...

Внезапно извне, из-за стекла раздался удар, а следом – громкий хлопок. Наш автобус замер, и меня кинуло вперёд, в сиденья предпоследнего ряда. Ярким сполохом оранжевое зарево осветило улицу, а спереди загремел могучий трехэтажный мат Родиона Павловича.

Кто-то из детей спереди крикнул:

— Вот это авария! Смотрите, как полыхнуло!

За заиндевевшим лобовым стеклом, метрах в ста на перекрёстке полыхал бензовоз, протараненный грузовиком. Языки пламени вместе с горящим топливом разливались по округе,

отрезая путь вперёд, а встречная полоса была уже перекрыта полицейской машиной. Рядом с огромным гудящим костром засуетились чёрные силуэты.

— Детки, пристегните ремни! — зычно вдруг скомандовал Родион. — Срежем околицами, тут недалеко...

Никаких ремней, конечно же, не было, так что я просто вцепилась в спинку сиденья впереди. Автобус качнулся и с пронзительным жужжанием коробки передач стал сдавать назад прямо по тротуару, протяжным гудком распугивая редких пешеходов. Как заправский автогонщик, водитель от тормозился с визгом, а потом резко свернул в переулочек. За покрытыми инеем окнами замелькали заборы, помойки и припорошенные снегом легковушки.

Автобус прыгал на неровностях, пробирался сквозь город неведомыми волчьими тропами, из щелей задувал морозный воздух, а Родион молча и сосредоточенно крутил руль. Он был самым пожилым из школьных шофёров – и самым опытным. Ездил строго по правилам и был безжалостен к лихачам, во весь голос распекая подрезающих его неторопливую машину злым многоэтажным матом. И каждый раз краснел, словно вишня, когда вспоминал, что его матюги слышал полный автобус детей...

Вскоре за лобовым стеклом снова показалось шоссе, мы вынырнули с подъездной дороги и уткнулись в намертво застывшую пробку – почти у самого космопорта. Вдалеке маячил терминал и взлётная полоса, а сбоку сквозь снежную пургу с трудом можно было различить подсвеченные пламенем дюз силуэты космолётов, что один за другим отделялись от площадки и уходили вверх, в низкий облачный покров.

Над проходом, между сиденьями всплывали облачка пара от горячего дыхания. Кто-то из учеников зашёлся в тяжёлом простуженном кашле. Родион вдавил клаксон, автобус заревел раненым зверем, но ни одна машина даже не сдвинулась с места – было просто некуда. Родион грохнул кулаком по козырьку и процедил:

— Правила, предписания... Да кому, к чёрту, нужны эти правила?! А ну, посторонись!

Автобус пополз вперёд, протискиваясь в промежуток между машинами. О борт тяжёлой машины пронзительно заскрежетал металл. Поворот руля – и автобус уже на встречной полосе. Ещё один поворот, душевный матерок Родиона – и мы несёмся вдоль ограды по ухабам занесённой снегом просёлочной дороги прочь от шоссе, ведущего к главному терминалу. Стуча зубами от холода, я благодарил небеса за то, что нас вёз именно Родион. Я точно знала – с ним у нас всё будет хорошо. «Пучком», как любил выражаться Руперт.

Спустя две минуты мы упёрлись в небольшой затор возле служебного въезда территории космопорта. Здесь, напротив закрытых ворот сгрудились несколько машин. Охрану мороз загнал внутрь небольшого КПП, но при приближении автобуса из будки вывалился человек в летней форме – одна куртка поверх другой, – замахал руками и направился к нам. Родион выбрался наружу и долго басил, тыкая пальцем то в автобус, то в ворота. Спустя пару минут он вернулся, трухнул в водительское кресло, обернулся к Марии Семёновне и пробормотал:

— Хрена с два. Не пускают никого до особого распоряжения. Сказали – если мы не хотим ждать, можем попытаться счастья в главном терминале. Очень смешная шутка, я оценил...

— Родион Павлович, я уже ног не чувствую, — пожаловалась учительница. — Может, нам и правда стоит поехать к главному входу?

— Маша, ты посмотри во-о-он туда, — водитель ткнул пальцем вперед, за ограду. — Самолётов нет – все уже улетели, а космолёты улетают прямо сейчас. И когда они улетят, мы с тобой, Мария Семёновна, останемся здесь замерзать. — Родион постучал по дисплею наружного термометра. — Минус сорок четыре... Мне такой исход душу не греет. А тебе, Маша? Тоже нет? То-то же. Давай-ка, цепляйся покрепче. Ждать не будем – действуем. Дети, держитесь, мы идем на таран!

Родион сдал назад, хрустнул передачей и ударил по газам. Меня вжало в сиденье, сквозь рёв двигателя грохотнул металл, автобус трянуло, и громоздкая машина помчалась по терри-

тории лётного поля, набирая скорость и раскидывая в стороны снежные наносы. Легковушки, почуввав свободу, хлынули следом за нами, а охранники выскочили из КПП, будто в надежде получить последнее поощрение по службе

Впереди – почти ничего не видать. Здание терминала скрылось за плотной снежной завесой. Автобус натужно ревел двигателем, но скоро начал зарываться в снег, и в какой-то момент мы просто остановились. Родион чертыхнулся и попытался сдать назад, но машина даже не шелохнулась. После нескольких бесплодных попыток сдвинуть автобус с места Родион Павлович крикнул с неуместным задором:

— Хорошо сидим! Не думал, что когда-нибудь посажу эту птицу на брюхо!

— М-может, т-толкнём? — дрожащими от холода губами предложил один из мальчишек спереди.

— Куда толкнём, малой? — воскликнул Родион, всплеснув руками. — Тут вон снега уже по бампер! Можем попробовать дойти, визуально так до площадки метров триста... Но, чёрт подери, отсюда уже ничего не видно, и если идти – то только наощупь, да по сугробам... Ну, ребята, совершим марш-бросок по снежку?

Молчание было ему ответом. Родион крикнул, стянул потёртый пиджак и набросил его на плечи Марии Семёновне, оставшись в клетчатой рубашке. Нажал кнопку открытия дверей. Схваченный изморозью механизм со скрипом поддался, впуская внутрь обжигающий ветер и казавшийся совсем близким басовитый рокот ракетных двигателей.

Шофёр спрыгнул в снег, погрузившись по колено, и принялся помогать выходящим школьникам. Я выбралась предпоследней, а за мной в мороз выпрыгнул Руперт. От холодного пронзающего насквозь ветра руки и ноги почти моментально отнялись, а Родион прокричал:

— Ребята, давайте на звук, я сразу за вами!

Как во сне, я пробиралась через сугробы, держа Руперта за руку. Кажется, тело отключило восприятие окружающей действительности, и из внешних раздражителей остались только этот мерный гул и холодная ладонь друга – ледяная, как всё вокруг. Руки и ноги двигались сами собой, в лицо бил снег, намерзая ледяными катышками на ресницах, и не осталось ничего – только тупое и упрямое желание дойти куда-нибудь. Идти вперёд, двигаться, пока есть силы, сбежать, улететь, выбраться в тепло – куда угодно из этого сковывающего мороза. В бушующей снежной пурге тёмные силуэты идущих впереди одноклассников один за другим таяли, словно сахар в воде.

Гул усиливался. Белые жгучие вихри клубились вокруг, но я продолжала упорно шагать вперёд. Внезапно снежную пелену разорвала ослепительная вспышка, что-то затрещало почти над самым ухом. Глотком свежего воздуха меня обдала волна жара, окутала, будто тёплым махровым пледом – короткий, обманчивый миг лета посреди ледяного ада... Его, Руперта, пальцы ещё сжимали мои – или это мои сжимали его? – а потом... я разжала ладонь.

А свет стал уходить вверх, унося с собой оглушающий треск, стремительно забирая тепло и оставляя лишь колючие стальные иглы, впивавшиеся в кожу – везде и сразу.

«Рупи, ты где?» — мысль была вялой, притуплённой, будто чужая. Я не могла заставить себя оглянуться. Вокруг, в снежной круговерти, мелькали тени – кажется, кто-то шёл, а кто-то, похоже, уже лежал, тут же стираемый новым порывом ветра.

Спустя бесконечность, отчаянно щуря вымерзшие глаза, я оглянулась по сторонам. Никого и ничего не было видно – Руперт тоже исчез, и остался лишь вой метели. Я была с ним один на один. Тут же заявило о себе онемевшее от холода тело, промерзая всё глубже, до самых внутренних органов, и в голове завертелся круговорот обрывочных мыслей:

«Последний корабль улетел... Как же там Рупи без своего свитера... Где сейчас мама с папой... Я потерялась в пурге... Меня не найдут... Я тут замёрзну... Насмерть... Остаться? Сесть в сугроб и ждать? Или идти?... Надо идти... Если уж умирать, то... в движении...»

Я на автомате тащила себя через сугробы в ту сторону, откуда только что с треском взлетел пассажирский звездолёт. Снега стало меньше – наверное, разметало при взлёте.

Я пересекла площадку и, преодолев ещё добрую сотню метров сугробов, упёрлась в закрытые грузовые ворота. Второй этаж терминала нависал тенью, и здесь, в закутке у стены, ветер был тише. Измотанная, я уже слишком устала, чтобы двигаться. Забилась в самый угол, села и обхватила колени руками. На щеках намерзали ледяные дорожки от слёз, и холод уже не чувствовался. Только покой и последняя, застывшая мысль: «Вот и всё».

Время исчезло. Я неумолимо погружалась в сон, но на самой границе сновидения что-то произошло – я внезапно почувствовала прикосновение. Подняв голову, с трудом разлепила глаз и узрела тёмный размытый силуэт. Раздался скрежещущий голос, будто острый бумажный лист резал кожу:

— Не смей мне тут засыпать! Вставай, быстро! А ну, подъём! Ох, совсем уже расслабилась, я смотрю. Ну-ка...

Невидимая сила подняла меня вверх. Я не сопротивлялась – всё происходящее казалось страшным сном. Мой последний сон, из которого я вот-вот проснусь.

Я плыла в белом снежном пространстве, а тело легонько покалывали триллионы крошечных иголок – одновременно и абсолютно везде. Неожиданно снег исчез, и сквозь закрытые веки в глаза ударил обжигающий свет. Спустя какие-то мгновения я лежала на твёрдой поверхности. Вместе с покалыванием подступала боль – медленная и робкая, она постепенно усиливалась, а иголки погружались в тело глубже и чаще.

На задворках слуха странно искажённый голос по-стариковски хлопотал:

— Ох, дорогая моя, как же я раньше-то тебя не заметил... Вот же древняя железяка... Послушай-ка сюда... Слышишь? Я тебе сделаю укольчик, и больно совсем не будет... Но иного выхода нет – придётся удалить отмирающие ткани... Надюша, заводи стартовые, мы уходим отсюда!

Сразу отовсюду грянул механический женский голос:

— Есть зажигание. Включаю подъёмные двигатели... Температура за бортом: минус шестьдесят три градуса по Цельсию. Прогноз на дальнейшее снижение. Влажность воздуха: сто процентов.

Звонко хлопнуло, и помещение наполнилось нарастающим гулом. Вместе с болью в теле постепенно возвращалось сознание, и я смогла открыть глаза. Тёмная нечеловеческая фигура возвышалась сверху, заслоняя свет.

— Отмирающие ткани... — пробормотала я невпопад. — Какие ещё ткани?

— Как тебя зовут, девочка? — скрежетнул голос.

— Лиза... Где я? Кто вы? Я же только что была там...

— Меня зовут дядя Ваня, а это наш с тобой корабль. — Из речевого модулятора словно бы раздался тяжёлый вздох. — И сейчас мы покидаем эту несчастную планету... Боюсь огорчить, Лиза, но тебе придётся попрощаться с ладошками и ступнями. У меня тут нет возможности их спасти, а к тому времени, как мы доберёмся до ближайшей больницы, ты погибнешь от некроза тканей. Но ты не переживай, мы обязательно что-нибудь придумаем!

Будто бы демонстрируя, что он может придумать, силуэт дяди Вани, словно паук, ошестинился полудюжиной манипуляторов. Жужжа приводами, они сгибались и разгибались многочисленными механическими суставами. Захваты, клещи, циркулярная пила, шприц, штыри, с треском выдавшие электрическую дугу...

Зрелище чудовищного механического паука добило меня окончательно, остатки сил улетучились с порывистым выдохом, и я провалилась во тьму. Где-то там, в этой тьме уже ждали они – те, кто будет приходить ко мне каждую ночь все последующие годы...

Глава III. Зелёное море

... Порой память – это старый шрам с застрявшим под ним осколком. Стоит дотронуться – и боль вспыхивает с новой силой. Перед глазами ещё стояло конопатое лицо добряка Рупи, в голове гуляло эхо его идиотской шутки про «каникулы на Земле, где даже гравитация мягче». Я вновь почти чувствовала, как пальцы немеют от холода, разжимаются... и целая жизнь исчезает в снежном аду у взлётной полосы, будто её стёрли ластиком.

«Быть может, он остался бы жив, если бы я держала до последнего?.. Глупый, детский вопрос, на который взрослые знают ответ. Выживают не те, кто держит. Выживают те, кто вовремя отпускает и не оглядывается. Он умер потому, что держал меня, а я выжила – потому что отпустила. Я научилась».

— Помню взлётную полосу, последний корабль, а дальше – темнота, — выдохнула я, чувствуя, как пепел воспоминаний оседает на языке.

Про «Виатор», про старика и чудесное спасение – молчок. Пусть эта нить остаётся в темноте, невидимая для посторонних. Инспектор Николс замер не мигая, будто я – экран, на котором внезапно пропал сигнал. Потом встрепенулся и сообщил:

— Кстати, мой дядя Фред, который там остался... Однажды он вынес из пожара аж семерых! Просто шёл мимо, а тут – пожар... Пока не спас всех, не успокоился. Пожарные опоздали на вызов, а он вытащил детей со второго этажа, сел на бордюр через дорогу, да так и сидел, глядя, как догорает дом... Вместе с погорельцами. Кажется, именно тогда я для себя решил: если в мире есть такие люди в форме – значит, я тоже должен её носить. Вот и устроился в полицию...

— Инспектор, — вклинилась я в этот монолог. — Ваша техника допроса напоминает попытку задушить человека плюшевым мишкой. Слишком много эмоций и слишком мало смысла. Я здесь не для перекрёстной исповеди.

Он смутился и вспыхнул, словно спичка, щёки его зарделись. Похоже, в академии его учили «устанавливать контакт», но не научили – как. И тому, что это работает не со всеми.

— Простите, но я... — замялся он. — Я впервые вижу... живого человека после Исхода. Весь Сектор до сих пор строит догадки, что это был за чёрный шар... Атмосфера, которую вытянуло, как воду из стакана через соломинку... Там ведь до сих пор на дорогах машины с мёртвыми людьми внутри. Замороженными, как в бутылках...

«Ещё один любитель космических ужастиков», — пронеслось в голове, и я вызвала проекцию часов на линзу. Тридцать шесть минут. — «И где чёртов Марк? Заталкивает в глотку трёхслойный бутерброд?»

... — Снежно-ледяной памятник цивилизации в натуральную величину, — растекался мыслью по древу младший инспектор Николс. — А потом к названию планеты добавили «Икс». «Кенгено Икс»... Какая злая ирония – вот так на целом мире поставили жирный крест... Хороший первый контакт, ничего не скажешь...

— И вы думаете, что это пришельцы? — уточнила я. — А может, это просто Вселенная решила, что мы ей надоели?

Он отвернулся, поглаживая пальцами экран, будто пытался стереть сам факт трагедии.

— У меня нет полномочий отпускать вас без въездного стикера, — пробормотал он, бросив исподлобья взгляд... с обидой?

«Мент обиделся, проводя допрос – надо же, впервые такое вижу».

— К тому же, — продолжал он, — не каждый день разговариваешь с призраком.

— Господин офицер, — вздохнула я, — может, вы мне тогда анекдот расскажете, разрядите обстановку? Раз у нас пошло общение на отвлечённые темы.

«Впрочем, вся ситуация – уже идеальный анекдот», — подумала я. — «Пока этот мальчик в форме играет в сочувствие, тридцать миллиардов улетают вдаль. Моя ежедневная история – драма в трёх актах, где финальным всегда будет фарс с участием идиота».

— Да-да, конечно, простите... В смысле, нет, я не это имел в виду, — он заёрзал. — Нам нужен ваш въездной документ, который оформлялся при прибытии на станцию. Это простая формальность, но без неё я не могу вас отпустить, поэтому мне приходится тянуть время. Здесь сейчас очень нервная атмосфера...

Он бросил на меня робкий взгляд и молча уткнулся в планшет, а я вновь сверилась с часами. Я знала, что у полиции на меня ничего нет – старик тщательно зачищал все наши следы из систем после каждого дела. Но это знание не грело, и я просто ждала, когда копу надоест тратить своё и моё время – или когда Марк вернётся из едальни к запертому глайдеру и побежит меня искать.

— Вы были в системах Глизе, Каптейна, Мю Льва... — он читал с планшета, будто заклинание. — Что привело вас сюда, в наш... тихий уголок?

«Тихий уголок, где боевой робот только что разнёс орбитальный музей», — подумала я. — «От жизненных историй переходим к опросу по форме. Сейчас будет: «ой, какая путешественница!», потом «ой, какие протезы!» Поторгуемся ещё часок, пока клерк в соседней комнате с пончиком во рту тычет в экран, проверяя одну из моих легенд, которую старик слепил за полчаса. И можно будет звонить заказчику с объяснительной».

— Охота за сувенирами, — честно призналась я и сделала вид, что рассматриваю свой мехапротез. — Я собираю уникальные впечатления, а тут такой эксклюзив – артефакт внеземной цивилизации. Жаль, его уже увели. Прямо из-под носа.

«Где ты, Марк? Ещё сорок минут мыльной оперы – и я начну ломать эту комнату... Ей богу, может, намекнуть ему о том, что пора бы уже предъявить обвинение?»

Николс поглядел на мои блестящие титаном мехапротезы и невпопад заметил:

— Не понимаю... Почему именно хром, а не синтетика? Руки смотрелись бы, как настоящие.

«А вот и он – ритуальный вопрос к инопланетянке. Следом будет про то, чувствую ли я прикосновения. Чувствую ли боль».

— Хром – это игрушки для бедняков, синткожа – горит и мёрзнет. А вот карбид биотитана... — я медленно повернула запястье, и свет скользнул по поверхности, подчёркивая безупречные, нечеловеческие линии, — ... не боится кислоты, динамических нагрузок и глупых вопросов. И делает свою работу безупречно... Хотите посмотреть?

Улыбка сползла с моего лица, сменившись пустотой и холодом. Я выдержала паузу, глядя Николсу прямо в глаза – пока он не отвёл взгляд. Медленно, почти нежно положила ладонь на алюминиевую кромку стола и перестала сдерживать то, что всегда сдерживала.

Пальцы тихо, без единого лишнего звука вошли в металл, как нож в тёплый воск – он просто расплылся, будто пластилин, оставляя два ровных углубления. Провела ладонью по краю, словно смахивая несуществующую металлическую стружку.

В глазах младшего инспектора на мгновение мелькнул не просто страх – но прозрение. Он увидел инструмент и человека, для которого разница между плотью и сталью стёрлась навсегда. А я закинула ногу на ногу и спокойно положила руки на колени. И... тут же спохватилась.

«Если они сейчас начнут копать в сторону мехапротезов... Их происхождение было тайной даже для меня, но любая тайна имеет предел прочности, и я рисковала влипнуть по самые уши... Или не рисковала?»

Волиновалась я зря – юный Николс всё таранился на смятый угол стола, затаив дыхание, и в глазах его теперь восхищение боролось с ужасом. Он, было, открыл рот, чтобы задать следующий дурацкий вопрос, но в этот момент позади него распахнулась дверь.

На пороге стоял старший офицер. Он жестом поманил белобрысого салагу наружу, и они вышли, а через минуту возвратились уже втроём – в дверном проёме из-за плеча инспектора Николса виднелась довольная физиономия Марка. В зубах – зубочистка, в глазах – торжество.

— Прошу прощения за потраченное время, — сказал офицер. — Нашёлся ваш друг, все документы в порядке. Вы можете идти.

Отсалоутовав и смущённо краснея, младший инспектор освободил дорогу, а я покинула комнату для допросов и в сопровождении Марка направилась к выходу. Не сбавляя шаг, он наклонился ко мне и вполголоса произнёс:

— Лизонька, ты бы знала, какие у них тут морепродукты! Криль в соусе! Рагу не едят – ему поют оды! Это то, ради чего стоило родиться...

Я закипала. «Значит, пока меня мариновали в комнате с плюшевым следователем, ты, скотина, предавался гастрономической лирике?» — думала я. — «Может, ещё сырные биточки заказал, а на десерт взял пирожное с карамелью? За столиком с видом на ангар. Я ведь знаю – ты такое любишь».

Оказавшись за поворотом, вне поля зрения полиции, я схватила Марка за локоть, впившись пальцами так, что ткань пиджака хрустнула – и он ойкнул. Притянула его так близко, что мы встретились нос к носу. Былой лоск с него сдуло как ветром, зубочистка выпала изо рта – но ироничные искры в его глазах никуда не делись. Они были частью его – как скелет.

— Сорок семь минут, Марк, — выдавила я леденящим голосом, сдерживая себя, чтобы не сжать ещё сильнее. — Пока ты слагал поэмы своему рагу, наша добыча уже прошла пару десятков парсеков. Возможно, ты только что сожрал самое дорогое рагу в истории – и, надеюсь, оно того стоило... Так что вот тебе ультиматум: либо ты переходишь на трёхразовое питание, либо в следующий раз тебя будут кормить через зонд – и это будет не криль. Понятно?

Он улыбнулся, ввергая меня в ступор – той самой улыбкой, с которой дарят цветы перед расстрелом. Или продают последний билет на спасательный шаттл. Затем достал из-за спины светлый, промасленный бумажный пакет – и ткнул им в меня в грудь.

— Когда ты попробуешь этого жареного палтуса, — сказал он с непоколебимой уверенностью, — ты забудешь обо всём на свете и по-настоящему меня поймёшь. Это я тебе гарантирую.

— Я и так тебя прекрасно понимаю, — процедила я. — Ты просто боишься почувствовать голод.

Он замер на секунду, будто понял, что я на самом деле имела в виду, а затем, как ни в чём не бывало, сообщил:

— Насчёт корабля... можешь расслабиться – мы его уже не найдём.

Закатив глаза, я покачала головой, вырвала из рук Марка хрустящий пакет и направилась в сторону ангара. Марк шёл рядом – с виду вальяжно, насвистывая какой-то мотивчик, но я чувствовала в его движениях напряжение хищника, который учуял добычу, упустил её – и ищет способ найти вновь...

* * *

Оказавшись в кресле пилота, Марк щёлкнул тумблером, и кокпит ожил: вспыхнули приборы, как внутренности проснувшегося дракона. Несколько командами он передал управление автоматике станции и запросил разрешение на вылет.

— Пока ты просиживала штаны в участке, — повернулся он ко мне, — я просочился к кофе-машине и наткнулся на пару майоров. Они что-то шептали про «реликвию» и «флот, который уже в пути»... Ты чувствуешь запах? Это уже не криль, а жжёный металл. Кому-то с этой реликвией отдавили хвост, поэтому часов этак через восемь сюда сгонят половину флота. А нам нужно найти игрока, который сделал первый ход – и сделать это за шесть.

— Военные? — хмыкнула я. — Те самые, что отключили электричество на целом полушарии, чтобы доказать: «мы быстрее света»?

— Это были не военные, — покачал головой Марк, — Военным нужен не рекорд, а голова того, кто угнал линкор, чтобы украсть музейную побрякушку.

— Угнать... линкор? — Я присвистнула, и в душе что-то ёкнуло от чужого, безумного размаха. — Вот это я понимаю – стиль. А у нас – вот этот вот глайдер, полпакета палтуса и старик на подхвате... Здесь главное не надорваться, соревнуясь с флотом из двухсот кораблей.

— Бегают пусть другие, — беспечно отмахнулся Марк. — А у нас есть зацепка – место приземления шаттла наших воришек. Попробуем узнать, что к чему, и поработаем в поле, пока дед пытается расшифровать траекторию гипера... Если нам, конечно, дадут разрешение на вылет. Чего они там копаются?

Он напряжённо вглядывался в приборную панель, а я уже представляла, как машину обступают доблестные полицейские с оружием наготове... Но вспыхнула зелёная лампочка – значит, нас поставили в очередь на вылет. Аэрокар подпрыгнул и воспарил над полом на высоте полуметра, и я испустила выдох облегчения.

— Давай-ка, Лиз, вводи маршрут, — распорядился Марк.

Я внесла в навигатор координаты, полученные от дяди Вани. Мимо проплывала громада ангара с суетящимися погрузчиками, тут и там мелькали белые полицейские каски. Хотелось есть, и я поблагодарила Марка – конечно же, не вслух, а мысленно, – за то, что он позаботился обо мне, прихватив закуску.

Выудив из пакета кусочек, я бросила его в рот. Изумительный, дымчато-пряный аромат окутал нёбо нежностью. Желудок рычал, требуя продолжения, и я, словно в трансе, отломилла ещё... Потом ещё... Я вдруг поняла, что в жизни ничего вкуснее не ела. Наш контракт повис на последней нитке, а я жую рыбу – и это, кажется, лучшее, что я могла сделать... С набитым ртом я буркнула:

— Что ни говори, Марк... а ты знаешь толк в еде.

— Это, дорогая, не единственное, в чём я знаю толк. — Он обернулся и улыбнулся той самой улыбкой, которой склеивал красоток в барах – и которая, набив оскомину, давно уже на меня не действовала.

Глайдер выскользнул из ангара, и тут же, без прелюдий, по стеклу ударил ливень. Через мгновение нас окружала плотная стена облаков, которую челнок, набирая скорость, разрезал, словно нож – масло...

* * *

Планер вынырнул из тучи, и исторгающий воду грозовой фронт оказался прямо над головой. Внизу расстилалась зелень – не лес, а единый, живой организм из тысячи оттенков – от ядовитой юкки до лаймового, от болотной оливы до ледяного ментола. Я прильнула лбом к холодному стеклу и наслаждалась красками. По зелёному колышущемуся морю тут и там, извиваясь змеями, ползли бурые речушки и ручейки. Это был не просто пейзаж – это была амнезия. Мир, который забыл, что в нём могут жить люди.

«Зелёное море... Готова поспорить, в его глубинах утонул не один скелет», — подумала я. — «И далеко не все – местные».

Почти прошептала:

— Смотри, планета будто дышит. И переваривает... всё, что в неё попадает.

Внезапно, заставив меня произвольно вздрогнуть, Марк с чувством, громогласно продекламировал:

— Я удаляюсь от морей в гостеприимные дубровы, земля мне кажется верней, и жалок мне рыбак суровый – живёт на утлом он челне, игралище слепой пучины, а я в надёжной тишине внимаю шум ручья долины...

— Марк... цитирует Пушкина? — прыснула я. — Ты что, под дверью туалета станции стихи подслушал? Может, сейчас и до Вивальди на расстроенной гитаре дойдём, минуя все стадии идиотизма?

— Это не я. — Он махнул рукой, и жест был не в сторону леса, а поверх него – будто он отдавал честь. — Это – он. Лес. Готов поспорить, ты тоже никогда не видела такой... цельности. Ни единой прогалины. Ни одной уступки. А деревья-то какие вымахали!

Даже с такой высоты зелёные гиганты казались исполинскими. Они переплетались ветвями верхушек, будто многочисленными руками держась друг за друга, и выстилали плотный ковёр, надёжно укрывавший от посторонних бурную лесную жизнь. Тьма, в которой, неровен час, и драконы водятся. С трудом оторвав взгляд от проплывающих под нами просторов, я заметила:

— Навигатор ругается – дороги отсутствуют, ноль поселений, торжество природы как оно есть. Идеальное место для жизни. И главное, людей нет – иначе бы уже продавали билеты на сафари плюс обед.

— Да, после трупоб, заводов и пыли родного Пироса такое буйство красок способно выжечь глаза... Знаешь, этот лес похож на стриптизёршу. Смотреть – одно удовольствие, но лучше не трогать. А то подойдёт какой-нибудь чешуйчатый вышибала, ну и дальше – по сценарию... Ах ты ж!

Будто в подтверждение, глайдер накрыло тенью величиной с ангар. Машина вильнула, бросая меня на стекло, воздух в кабине дрогнул, и я увидела *это*.

Сквозь обтекатель прямо в душу пристально глядел чёрный, обсидиановый глаз размером с ладонь. Без злобы, без голода – но с холодным любопытством существа, которое смотрит на букашку, что дерзнула забраться слишком высоко. Мощный горбатый клюв, стальное многослойное оперение – и стремительное бордовое тело на четырёх многометровых размашистых крыльях широким виражом пронеслось, словно шторм, прямо перед нами. Через секунду птица нырнула вниз и исчезла из виду, а Марк постучал по приборной панели ладонью и с едва заметной дрожью в голосе затараторил:

— Повезло, что не напала, припугнула только, а ведь могла и глайдер перевернуть – вон какая махина крылатая... Акустический отпугиватель ей, что «фу» мокрому тигру... Сейчас бы шваркнула нас вниз, а потом искали бы наши ошмётки по веткам...

Я всматривалась в зелёное море, над которым, едва не касаясь ветвей, прочь отдалялся величественный силуэт хищного джангалийского паяро. Птица накренилась, уходя ещё ниже, к самым деревьям, и её мудрый чёрный взгляд на миг вновь встретился с моим. Кажется, я поняла этот безмолвный урок: «Ты не хищник. Ты – гость. Не злоупотребляй гостеприимством»...

Я вдруг с отвратительной, фотографической чёткостью увидела будущее – чучело этого великана в музее, пыльное, с тусклым стеклянным взглядом. И рядом табличка: «Последний экземпляр. Добыт в таком-то году». Не «истреблён». «Добыт». Как трофей.

— Мы их тоже перебьём? — спросила я.

Вопрос мой был адресован не Марку, а вечной человеческой привычке превращать чудо в сувенир. К механизму, который я ощущала и в себе – каждый раз, сжимая кулак.

— Что? — Марк непонимающе уставился на меня.

— Ну мы, люди. Мы и их истребим, да? Как скатов, зубров, тигров, белых медведей... Из этих гигантов будут делать чучела, перья пускать на карнавальные костюмы, а из клювов – вытачивать какие-нибудь пресс-папье или... подставки для туалетных ёршиков.

— Тебя опять потянуло на гуманистическую философию? — отозвался Марк. — Не переживай, эта планета сумеет за себя постоять. Судя по тому, что сейчас на ней откапывают, ей уже приходилось делать это в прошлом. Кстати, пока не забыл... — Он перегнулся через сиденье назад, вытащил пару «ледянок» и протянул одну из них мне. — Вот, сразу бери её с собой. А то вдруг мне опять поесть захочется...

Встретив мой горящий взгляд, он засмеялся и замахал руками:

— Шучу-шучу, только не надо на меня так смотреть! Дырку проглядишь.

— Марк, ещё немного – и я сброшу тебя за борт...

Автопилот исправно работал, двигатели пели свою размеренную колыбельную. Я машинально вертела в руках «ледянку» – респиратор, насыщающий дыхательную смесь кислородом, из-за чего она становилась холодной как лёд – дышать такой смесью с непривычки было тяжело, но возможно.

Под глайдером проплывало живое, безразличное море джунглей, по обтекателю отбивал дробь бесконечной партии дождь, и усталость – та, что копится не в мышцах, а в промежутках между мыслями – накатила тяжёлой волной. Я откинула спинку сиденья, легла на бок, спиной к Марку, и стала разглядывать низкие сизые тучи и причудливые дорожки на стекле от бегущих наискось капель дождя. Мимолётные иероглифы нашего странного пути... И через некоторое время глаза закрылись сами собой...

* * *

... — Эй, соня, подъём! Приехали!

Марк трепал меня за плечо, и я открыла глаза. Как обычно после короткого сна в неудобной позе лицо горело, а голова – будто налита застывающим, вязким чугуном. Отлепившись от кожного подлокотника, я привстала и поморщилась:

— Сколько мы летели?

Над обтекателем темнели сплетённые кроны деревьев, обвитых вьюнами и лианами.

— Минут сорок... Я немного покружился над этими дикими местами, и, оказывается, мы здесь не одни, что не может не радовать – тут рядом просека пробита. А у нас появилась возможность прогуляться и подышать свежим воздухом.

Я оглядела место посадки через стеклопластик. Это не просто поляна – это рана. Два дерева-гиганта, вывернутые с корнями, лежали в стороне, обнажив бледные, похожие на спутанные нервы корни. Земля почернела и спеклась, как кожа после ожога, а торчащие обугленные остовы кустов напоминали скелеты тех, кто не успел сбежать. Здесь не садились, здесь выжигали плацдарм. А потом взлетали, добывая то, что умудрилось уцелеть. Взлетали те, для кого чужой мир был лишь препятствием на пути к добыче.

Достав из-под сиденья кобуру с пистолетом, я защёлкнула её на бедре. Натянула «ледянку» вслед за Марком, подняла дверь и выпрыгнула наружу. Воздух был душным и жарким, недостаток кислорода в нём чувствовался кожей, и тело сразу потяжелело раза в полтора. Наверху, под кронами деревьев скрипели ветви, а в лесной чаще что-то клетотало, стрекотало и шипело. Тотчас вокруг меня принялся водоворотом кружить разноцветный гнус размером с монету.

Несмотря на духоту, по спине побежал холодный пот. Это был не страх перед конкретной угрозой – но страх самой планеты. Её дыхание, густое и влажное, обволакивало, как предупреждение: «Ты здесь пища». Воображение, отточенное годами в подворотнях и на тёмных орбитах, услужливо рисовало оскаленные пасти, капающие слюной и жёлтые, голодные глаза в чаще.

Я резко обернулась. Ничего. Только лес и гигантская мошкара.

— Марк, в какой, говоришь, стороне просека? — спросила я, отчаянно отмахиваясь от насекомых.

— Давай за мной и держи ушки на макушке. — Напарник решил проявить инициативу и направился напрямиком в лес.

Мысленно прибодрив себя, я обогнула поваленное дерево и, аккуратно переступая через расстилавшиеся по земле вьюны, устремилась следом за Марком. Сотня шагов вывела нас на просеку, пропаханную двумя бороздами гусеничных следов. Колея уходила в обе стороны, скрываясь в зарослях.

Я на миг закрыла глаза, попытавшись отфильтровать шум. Какофония стрёкота, шипения и клёкота распалась на отдельные голоса, и теперь я слышала не хаос... но разговор. И мы в него не были посвящены.

Когда кружившие вокруг мошки набрались смелости и принялись пристраиваться у меня на шее, я раскидала с себя всю эту братию, повернула влево и уверенно зашагала по колее. Марк следовал позади, и я знала – случись что, он не подведёт. Ну... или его сожрут первым.

Бугристые стволы циклопических деревьев, обвитые лианами, вздымались ввысь, а понизу, в полумраке, цвели разнообразные кустарники от мала до велика с листьями самых разных форм – круглыми, плоскими, вытянутыми, зубчатыми, покрытыми иглами. В красках недостатка тоже не было – тут и там желтели и краснели ягоды, обрамлённые лепестками, а в стороне от дороги меж стволов бледнело голубоватое свечение. Было не разобрать, цветы это, плоды, или неведомые светляки...

Никто не выпрыгивал на нас из-за деревьев, в тёмных зарослях кустарника не блестели кровавые глаза, а клёкот и стрёкот, что раздавались из чащи, не приближались. Ощущение угрозы, возникшее поначалу, ушло на задний план, и я старалась двигаться плавно и спокойно, не подпуская мошку слишком близко, но экономя силы – влажная и жаркая атмосфера давила сверху, а респиратор облегчал существование лишь отчасти.

Тем временем лесные звуки поутихли, а впереди меж деревьев засеребрились силуэты металлических сооружений. Мы сошли с колеи и аккуратно пробирались вдоль неё сквозь кустарник, стараясь издавать как можно меньше шума. Ветви так и норовили зацепиться за одежду, а вокруг назойливо нарезал круги большой лиловый жук. Получив ладонью наотмашь, он рухнул в траву, неуклюже взлетел и обиженно скрылся в зарослях.

Мы незаметно подобрались к небольшой полянке, на которой стояли пара жилых модулей на метровых сваях. Чуть в отдалении, накренившись на ухабе, кабиной в сторону чащи был кое-как брошен огромный геологический вездеход с открытым двигательным отсеком, в котором, погрузившись по пояс, копошился человек в грязном ярко-оранжевом комбинезоне. Кроме него вокруг никого не было – даже насекомые куда-то испарились.

Выждав минуту, мы с Марком молча переглянулись и направились к человеку. Незнакомец глухо насвистывал сквозь респиратор какую-то мелодию и, похоже, даже не предполагал, что здесь может быть кто-то помимо него. Мы подошли вплотную, и Марк демонстративно прокашлялся.

— Едрить твою налево! — От неожиданности человек подпрыгнул и со звоном ударился головой о ржавую крышку.

Металлический лист сорвался с крепления и придавил мужчину – тот принялся чертыхаться и вертеться, пытаясь выбраться из двигательного отсека. Марк приподнял крышку, высвобождая незадачливого механика. Выпучив глаза, чумазый техник бросал взгляд то на него, то на меня, то на торчащую из моей кобуры рукоятку пистолета.

— Вы чего так подкрадываетесь?! — воскликнул он наконец, потирая ушибленную голову, и в его голосе была не злость, а испуг человека, который слишком долго был один в месте, где каждый шорох – угроза.

Я же оглядывалась по сторонам на случай, если кто-то решит в свою очередь подкрасться к нам. Старая привычка – никогда не считать место безопасным.

— Мы пришли с миром. — Марк миролюбиво поднял ладони. — И будем признательны, если вы ответите на пару вопросов. Я – старший следователь межпланетной полиции Сектора, Марк Сантино. — Марк достал из внутреннего кармана куртки фальшивое удостоверение. — С кем имею честь?

Механик несколько секунд всматривался в карточку, хмурия брови. Удостоверение было хорошей театральной бутафорией – но рассчитанной на то, что его не будут проверять, а примут на веру. Прodelывать такой трюк с кем попало не следовало.

— Свенсон, разнорабочий археологической бригады, — пробурчал механик. — Давайте по-быстрому, у меня много работы.

— Хорошо, — с важным видом кивнул Марк. — Детектив Стилл, будьте добры... — Выудив записную книжку, он протянул её мне. Я приготовилась делать записи, а Марк снова повернулся к механику: — У нас есть информация о том, что в окрестностях недавно приземлялся объявленный в розыск корабль.

— Было дело, садился тут один...

— Вы видели кого-нибудь из экипажа? Они вступали с вами в контакт?

— Ну, с десятков их было. — Свенсон стянул промасленную рукавицу, утёр пот со лба и понизил голос, хотя вокруг, кроме леса, никого не было. — Не экипаж. Там десант был. Сели на своём челноке в полукилометре отсюда. Здоровенные такие, в экзоскелетах, все увешаны оружием до макушки, и с ними главный – в бежевой форме.

— Что можете о них сказать? Кто это были, как выглядели, что спрашивали?

— Загнали нас в бытовку, приставили охрану, взяли профессора Мэтглока и уехали вместе с ним на площадку. Часа через четыре вернулись, выпустили нас и улетели... С профессором поговорите, может он чего расскажет. С нами он об этом говорить не хочет, отмахивается, мол, ерунда, ничего страшного... А глаза – как будто с войны вернулся. Его, наверное, чуть до инфаркта не довели...

— А где сам профессор Мэтглок? — спросила я, с серьёзным видом рисуя нелепую рожицу в блокнотике.

— На площадке. Если хотите, можете подождать, они уже обратно едут.

— Мы никуда не спешим, — сказал Марк. — У вас тут есть что-нибудь горячительное? Чай, кофе?

— Пошли... — Свенсон направился в сторону ближайшего модуля, прихрамывая на одну ногу.

Поднявшись по металлической лесенке, он открыл дверь и сделал приглашающий жест. Мы миновали тамбур и застыли на пороге – контраст с улицей был ошеломляющим.

После сырого, враждебного величия чужого леса – искусственная, выстрадавшая ностальгия по лесу земному. Стены, обитые потемневшей от времени сосной, пахли мебельным лаком и тоской по дому. Пейзажи в рамках – земные озёра, горы, берёзовые рощи. Два дивана, протёртые до дыр, словно они принимали на себя тяжесть всех бесконечных вечеров вдали от дома. И над самодельным столиком – абсурдная, прекрасная хрустальная люстра из разномастных осколков роскоши. Это была не комната – но акт сопротивления. Сопротивления забвению, тому, чтобы стать частью этого зелёного ада. А в дальней стене ютилась неприметная дверка в соседнее помещение.

— Располагайтесь, — буркнул механик. — Чайник на тумбочке, печенье в ней же. Остальное сами найдёте, не ресторан. А мне работать надо. И так с вами со всеми уже целый день потерял...

Недовольно бормоча себе под нос, он захлопнул за собой дверь и удалился в сторону сломанного вездехода. Тут же где-то сверху, обнаружив присутствие людей, засвистел нагнетатель кислорода и мерно загудел кондиционер. Я с облегчением сбросила с себя респиратор, подошла к тумбочке, выбрала пару кружек почище из стоявших на ней, кинула в них по таблетке растворимого кофе. Щёлкнула чайником, в котором моментально вскипела вода. Разлив горячую жидкость по кружкам, присела с одной из них на скрипнувший диван.

— Как думаешь, Марк, дед что-нибудь найдёт?

— Не знаю, Лиз. — Он пожал плечами. — Одно ведь дело влезть в транспортную сеть и посмотреть, из каких врат они вышли. Совсем другое – найти иглу, которую выбросили в стог сена размером с галактику. Он может быть в любом из миллиона астероидных поясов, в любой

тени любой луны... Мы охотимся за призраком, а призрак находит тебя сам, когда решает, что настало время. Или не находит...

Марк замолчал и задумчиво вглядывался в покачивающиеся за толстым слоем плексигласа кроны деревьев, изредка отхлёбывая коричневую жижу из кружки. Я достала планшет и вызвала глобальную поисковую систему, чтобы навести справки о профессоре Мэттлоке.

Маститый учёный, регулярный участник конференций, уважаемый и известный в узких научных кругах человек. Почиванию на лаврах доктор археологических наук Рональд Джеймс Мэттлок предпочитал работу «в поле», а общению с людьми – раскопки и изучение архивов. Дедушке было уже далеко за восемьдесят, но он был бодр и энергичен, и дома, на Земле, вовсе не бывал уже много лет – задолго даже до того, как начался археологический бум на Джангале. Я листала фотографии Мэттлока – вот он рядом с какой-то облезлой скульптурой, здесь он стоит возле подиума перед десятком микрофонов с седобородым благородным лицом, а вот тут – с микроскопом изучает осколок древней миски...

Снаружи, приближаясь, доносился рёв и свист двигателя – археологи возвращались в свой временный лагерь. Я свернула проекцию и подошла к окну.

Изрыгая из себя жирный дым, по поляне грохотал огромный гусеничный вездеход – точно такой же, как и тот, что стоял на приколе. Медленно подкатив вплотную к своему металлическому собрату, он выпустил густой чёрный клуб дыма и замер. Боковая дверь распахнулась, и из чрева машины высыпали полдюжины крепких мужиков в оранжевых комбинезонах и респираторах – я мельком удивилась тому, как ловко все они поместились в такую скромную кабинку.

Самым последним вышел худощавый старичок – с осторожной, почти церемониальной грацией, будто каждый его шаг был археологическим открытием. На нём был нелепый пробковый шлем – реликвия древней эпохи. Этот шлем был не защитой от солнца, а доспехами. Доспехами учёного, который вышел на войну со временем, вооружённый только кисточкой и любопытством.

Мэттлок аккуратно спустился с вездехода – а возле него уже стоял давешний перепачканный маслом механик, жестом указывая в нашу сторону. Профессор покивал механику, увидел меня в окне и неспешно заковылял к жилому модулю. Археологи разбрелись кто куда – пара человек пошла с механиком к сломанному вездеходу, один вытащил из машины бензопилу и зашагал в сторону чащи, а остальные, бросая сквозь стекло на незваных гостей настороженные взгляды, отправились в соседний металлический барак.

Лязгнула входная дверь, и на пороге появилось светило археологии. Стряхнув с себя пыль чужой планеты вместе с «ледяной», он обнажил под пробковым шлемом благородную седину. Улыбнулся одними губами и протянул руку:

— Профессор Мэттлок, к вашим услугам. Добро пожаловать в мой храм тишины. В такое беспокойное время наша встреча – либо большая удача, либо большое несчастье. Кто вы, и чем я могу быть вам полезен?

Марк поднялся и пожал бледную сухошавую ладонь – аккуратно, как старый пергамент.

— Детектив Марк Сантино, а это – офицер Элизабет Стилл.

— Здравствуйте, очень приятно, — поздоровалась я.

Профессор скользнул взглядом по мне – и машинально уставился на блестящий металл мехапротеза, шевеля аккуратной козлиной бородкой. Секундой позже он вышел из задумчивости:

— Прекрасно... Всегда очень рад видеть людей, проявляющих интерес к моей работе. — Он пристально посмотрел мне в глаза – заглянул, казалось, глубоко-глубоко в самую чашу души, а затем направился в сторону деревянной дверки. — Удостоверения можете убрать, в этом нет необходимости. Я догадываюсь, зачем вы здесь. Давайте поговорим в моём кабинете.

Он отпер дверь и вошёл в небольшую тёмную комнату, в которой стены представляли собой одну большую библиотеку. От разноцветных потёртых корешков рябило в глазах. Профессор был учёным старой закалки, ценителем и предпочитал бумажные носители информации электронным устройствам.

Посреди кабинета царил большой дубовый стол со старомодной лампой. В углу стоял столик поменьше, на котором одиноко возвышалась прямоугольная коробка, накрытая плотным покрывалом. Профессор неспешно обогнул стол, опустился в кресло и жестом предложил нам занять два стула напротив.

— Итак, я слушаю вас, — сообщил он, сцепив пальцы перед лицом. — Но предупреждаю: время у меня здесь течёт по-другому. Секунды тут измеряются не хронометром, а перевёрнутыми страницами. А годы – слоем пыли на книжных корешках.

Марк не стал тянуть:

— Профессор, расскажите о людях, которые посетили вас вчера. Кто они?

— О людях... — Взгляд профессора стал таким, будто они сейчас стоят перед ним. — Пятнадцать вооружённых бойцов в броне, в которой не представляются, прибыли сюда, словно метеорит, упавший в тихий пруд. Все высокие, как на подбор. С ними был офицер со шрамом на лице. Внешность выдавала в нём закаленного вояку. Действовали предельно быстро и собранно, поэтому ни у кого из нас не возникло даже мысли о том, чтобы оказывать сопротивление. — Профессор поправил очки на носу. — В конце концов, мы же учёные, а не солдаты... Кто они такие – не имею ни малейшего представления. Форма совершенно незнакомая.

— А что они хотели?

— Они просили меня показать место, где мы с мальчишками откопали несколько «страниц» неделю назад.

— Страниц? — переспросила я, позабыв о блокноте с каракулями, который до сих пор для вида держала в руке.

— Да, «страниц», так я их называю. — Мэттлок опёрся на столешницу и подпёр кулаком подбородок. — Эти пластинки по своему виду очень похожи на золото. Во всяком случае, мы сначала так подумали, но впоследствии выяснилось, что это новый, сверхтяжёлый элемент. Стоит поднести одну пластинку к другой – и их как будто соединяет некое подобие магнитного поля. Они остаются в сантиметре друг от друга, но при этом не проявляют магнетических свойств. Ну а про ползущие по их поверхности узоры вы наверняка знаете, журналисты про это «чудо» кричали на всю галактику... Но чуду не нужны крики, ему нужна тишина...

— Зачем им нужно было место раскопок? — спросил Марк. — Неужели вооружённые боевики пытались найти там что-то ещё?

— Вчерашние гости вывезли меня на площадку, где мы, так сказать, аккуратно расчёсываем пепел времени. Потребовали информацию – где, на какой глубине мы откопали «страницы». С собой у них было огромное количество дорогостоящей аппаратуры. Они битых пять часов ходили по развалинам и что-то замеряли, просвечивали, прощупывали... Видимо, да, искали то, что мы ещё не нашли. Но они не преуспели, доставили меня обратно в лагерь, собрались и улетели.

— Расскажите, пожалуйста, подробнее о вашей находке, — попросила я. — Чем может быть эта «Книга судьбы»?

Таинственная находка, как мне теперь казалось, была не просто очередной безделушкой, которую нам заказали выкрасть для анонимной коллекции. В этой вещи скрывалось нечто большее.

— Однозначно, это – артефакт исчезнувшей цивилизации, — заявил профессор. — Но для чего он служит, нам ещё только предстоит узнать... Видите ли, эта планета полна следов деятельности, рукотворных предметов, пусть и примитивных – орудий труда, посуды, каменных строений, простейшего оружия. Следы здешней цивилизации примерно соответствуют

неолиту человечества. Однако, самое странное заключается в том, что за всё время раскопок не было найдено ни одного не то, что скелета, а даже любой, самой малой части гуманоидных останков.

Повисло молчание.

А я вспомнила журналистские расследования о пропавшей цивилизации, которые пару лет будоражили весь Сектор, но информационный напор был столь высок, что теперь эта тема вызывала скорее раздражение, нежели интерес. Сотни статей, миллион гипотез и досужие разговоры превратили невероятный факт в обыденность. Люди немного поудивлялись, не нашли быстро и простого ответа и вернулись к своим обычным делам.

— Помню, какой шум стоял, — заметила я. — Но эта загадка стала одной из тех неразрешимых головоломок, которые принимают просто как факт. А вы что думаете по поводу исчезнувшей цивилизации? Почему нет ни костей, ни пепла, ни даже имени?

Я чувствовала, как воздух становится старше – будто мы дышали пылью, десятилетиями оседавшей на бумаге. Профессор поднял три морщинистых пальца, показывая варианты.

— Логичных версий лично у меня три – либо все разумные представители данного вида прибрали свои захоронения и теперь прячутся от нас где-то в недрах Джангалы... Спят, пока мы не вырастем. — Профессор загибал морщинистые пальцы. — Либо все они давно мертвы, а тела без следа разложились в здешней почве – мы ещё до конца не знаем, насколько активны здесь микроорганизмы. Может статься, что кости местная микрофлора перемальвует столь же бодро, как и мягкие ткани... Либо они попросту покинули эту планету. Как они это сделали, обладая технологиями каменного века? Куда они отправились? Почему мы не встречаем каких-либо проявлений разума, кроме древних каменных руин и предметов быта? Это вопросы, которые боятся ответов.

В углу под тёмным покрывалом что-то закурлыкало. Я вздрогнула от неожиданности, а рука инстинктивно потянулась к кобуре. Мэттлок улыбнулся – со странной, неожиданной нежностью, будто достал из-под слоя песка очередную бесценную находку.

— Не пугайтесь, уважаемые детективы. Это всего лишь ещё одна загадка Джангалы...

Он встал, проковылял через комнату к столу и аккуратно стянул покрывало с металлической клетки. Внутри находилось существо размером с небольшую собаку, собранное из колец, будто изрядно перекармлившая гусеница. Зеленовато-коричневое тело из нескольких сегментов да десятков ножек, парой из которых оно держалось за прутки клетки, прильнув к металлу и поводя усиками, торчащими из мохнатой головы. Оно с интересом разглядывало нас парой огромных, бездонных светло-синих глаз, которые, казалось, не отражали свет – они впускали его вовнутрь, в немыслимую глубину.

И когда его взгляд остановился на мне, я вдруг почувствовала... присутствие. Мягкое, древнее, бесконечно чужое. Оно не тронуло мыслей – оно, казалось, ощупывало моё бытие во времени – как течение ощупывает камень на дне.

Меня вдруг скрутило, и я поняла, что пресловутый палтус пытается вырваться на свободу – не от отвращения, а от потери ориентации во времени и пространстве. С трудом подавив позыв, я смотрела на это странное явление природы, которое, чуть наклонив голову, переводило взгляд с меня на Марка и обратно. Тихий клёкот и стрёкот раздавался откуда-то из его чрева – очень похожий на тот, что сопровождал нас, пока мы пробирались через джунгли к лагерю археологов, – а я была не в силах оторвать взгляд от голубых с переливами овальных блюдеч, которые тарачились на меня из-за прутьев.

Профессор прервал моё оцепенение:

— Прощу знакомиться, это – Томас. Совершенно безобидный представитель разумного вида *magnus multipedae*, — произнёс он, будто благословлял. — Питается листьями и травой, излюбленное лакомство – сладкие корни. И, между прочим, каким-то образом отгоняет насекомых. Вы заметили, что в лагере их нет?

Марк кивнул:

— Да, это довольно необычно для здешних непроходимых лесов...

— Оно не кусается? — выдавила я.

— Нет, он совершенно безобиден! — по-отечески усмехнулся профессор. — Обычно они сторонятся людей и прячутся под землёй, чувствуя их присутствие задолго до того, как те появятся на виду. Именно поэтому за прошедшие годы мало кому удалось запечатлеть это прекрасное создание. Если не ошибаюсь, существуют всего три фотографии, сделанные с помощью дистанционных камер. Уж о том, чтобы поймать это существо, речи не идёт... Что касается Томаса, я нашёл его на поляне у кромки леса – и он не сбежал. Либо слишком умён, либо слишком одинок. Он был измождён и искусан, возможно, своими же собратьями. Смею предположить, что он выполз в лагерь в поисках помощи. Я его приютил и выходил, а он прижился в нашей небольшой компании, отказавшись возвращаться в естественную среду обитания...

Мэттлок открыл дверцу клетки, и существо, изгибаясь сегментами тела, выползло на столик. Профессор осторожно подхватил его на руки, неспешно вернулся к нам и присел в кожаное кресло. Существо он положил на столешницу прямо передо мной, и оно потянуло ко мне свои усики. Я нерешительно протянула руку навстречу, и внезапно с головой окунулась в бурный водоворот памяти...

Глава IV. Обещание

... Интернат имени Ивана Каниди – школьного учителя, погибшего от рук террористов в позапрошлом веке, – был переполнен детьми войны, сиротами, чьих родителей погубили мародёры или просто стёрла с лица планеты бесконечная гражданская война, которая раздирала Каптейн на части уже долгие годы.

Ансамбль серых обшарпанных зданий был окружён не просто забором – это был периметр высотой в три метра с колючей проволокой, вышками с прожекторами и пулемётными гнёздами. Если когда-то интернат и был учебным заведением, теперь он превратился в концлагерь с лицензией на спасение детей. Его единственным отличием от тюрьмы было то, что в тюрьме содержались преступники, от которых ограждали окружающий мир, тогда как в интернате от окружающего мира оберегали «человеческий ресурс».

Банды головорезов сновали по окрестным болотам, не гнушаясь ничем – ни торговлей людьми, ни детским трудом, ни другими «развлечениями», и потому места вроде этого были для них лакомыми кусками. Интернат Каниди исключением не был, переживая регулярные налёты боевиков со стрельбой, поэтому планетарное правительство платило частным охранным компаниям за охрану «будущего человечества» – детей.

А на деле...

На деле все воспитанники, от мала до велика, просыпались в семь, и после жидкой похлёбки стройными шеренгами отправлялись работать до самого вечера с перерывом на обед. Малыши, от пяти лет, шли на плантации. Те, кто постарше, работали на лесозаготовках, обжигали кирпичи, шили одежду и готовили еду. «Добрые взрослые» защищали детишек, а дети взамен должны были платить – и они исправно платили своим детством. Цикл замкнулся – детей спасали от рабства, чтобы тут же превратить в государственных рабов. Ирония была настолько чудовищной, что её уже никто не замечал – она стала воздухом, которым дышали все...

* * *

Жёсткий матрас, серый потолок в потёках и тусклый, желтоватый свет лампы. Я была единственной пациенткой в лазарете, и тишина давила сильнее любой повязки. Обезболивающее, которое мне вкололи в обед, переставало действовать, и знакомая, вязкая боль в незаживающих местах, где протезы вгрызались в тело, нарастала, заволакивала и тысячей цепких рук тянула куда-то вниз. Я зажмурилась, и перед глазами поплыли багровые круги.

— Дурнеет? — раздался голос с хрипотцой со стороны... С какой стороны? Сложно было сориентироваться в потном дурмане, доверху набитом мокрой ватой. Так я себя ощущала.

Я медленно отвела голову к окну. Долговязый силуэт стоял, упёршись лбом в стекло.

— Потерпи, так будет недолго, — сказала очертание. — Протезы уже приживаются, и тело скоро привыкнет. Всё ж лучше так, чем ползать на культиях или оказаться в канаве, правда же?

Медбрат Отто выдохнул дым в форточку, затушил окурок о подоконник и щелчком отправил его вслед за струёй дыма. Подошёл к моей койке и сипло сообщил:

— Я сейчас сваливаю до утра. Ну что, надо тебе чего? — Он понизил голос до шёпота. — Могу кольнуть ещё разок, только Хадсону – ни полслова, а то он меня прибьёт.

— Да, — просипела я в полубреду, голос почти не слушался. — Сделай укол... Мне нужно обратно в океан, к рыбам... А то я эту ночь не вытяну...

Даже показалось, что я только подумала это, и слова застряли где-то внутри – но Отто кивнул.

— Счас вернусь, — бросил он и вышел в коридор, притворив за собой дверь.

За окном в высокой траве шуршал дождь, по жестяному подоконнику изредка молотили крупные капли. На улице стояла комендантская тьма, и все должны были находиться в жилых помещениях, кроме нескольких человек, которые несли вечернее дежурство по лазарету и столовой. С трудом пробившись в палату сквозь пыльное окно, в потолок упёрся и тут же исчез луч фонаря – охрана делала вечерний обход территории.

Вернулся медбрат со шприцем. Игла вошла в плечо коротким укусом, Отто надавил на поршень, а следом пришла волна. Тёплая, тягучая, она смывала боль, что точила кости изнутри, как ржавая пила. Культы перестали быть искалеченными пнями плоти – они стали лёгкими, невесомыми, почти родными. Эйфория накатывала, ширилась в размерах, заполняла собой брэнное мясо и каждую его клеточку – фентанил начинал действовать. Он был словно машина времени, возвращавшая меня в тело до катастрофы. В тело, где можно было просто *быть*, не преодолевая каждую секунду.

— Спасибо, Отто... — Я неуклюже провела протезом по его руке, ощущая одну только благодарность – глухую, животную. — Ты... настоящий друг.

— Да ладно тебе, — произнёс дрожащий в полутьме силуэт, словно мираж. — Ты просто... как вода сейчас. Растечёшься и уснёшь. Только, слышишь, доктору ни слова. Ясно?

— Я... я и есть вода... — прошептала я, чувствуя, как границы «я» тают вместе с болью. — Вода, которой не больно...

— Мне бежать. — Силуэт бесшумно взорвался радугой и распался на составляющие.

— До... завтра? — с трудом выдавила я, чувствуя, как веки наливаются свинцом.

— До завтра.

Наступила тишина, и я осталась в одиночестве. Сквозь опиумный туман в голову медленно поползли мысли, будто подводные растения – спокойные, неторопливые, удивительно ясные, насколько это было вообще возможно...

Всё произошедшее за последнюю неделю напоминало дурной сон. Мне сказали, что нашли меня у ворот интерната без сознания, с туго замотанными бинтом культами, накачанную целым коктейлем наркотиков. Мне оставалось только верить, потому что я не помнила почти ничего – даже собственное имя удалось воплотить в памяти только на второй день пребывания в лазарете.

Лёжа на койке, целыми днями я видела только этот серый потолок и облезлые стены. Однообразные до жути, дни и ночи сливались в один потный мучительный комок стыда, боли и смертельной тоски. Ходить я не могла – грубые протезы, которые вживил мне местный главврач Николас Хадсон, ещё не прижились. Да что там ходить – я не могла даже обеспечить свои самые простейшие нужды, а свежие раны давали о себе знать чуть ли не по любому поводу – стоило неловко повернуться, неудобно лечь, или даже случись тучам собраться за грязным окошком...

Через какое-то время в память начали возвращаться обрывки событий будто бы столетней давности. По этим кусочкам я восстанавливала картину собственного прошлого – счастливого и радужного, – в котором я жила с родителями в домике у леса, делала уроки, выгуливала собаку и беззаботно играла в догонялки с одноклассниками... Как их звали? Я не могла вспомнить имён, но оттиски лиц проявлялись в воспоминаниях, как на старой фотоплёнке. Лица, которые заставляли сердце непроизвольно сжиматься от боли. Мама, папа, брат. Они остались где-то там, в прошлой жизни, безнадежно далёкие и опустошительно родные...

А на третью неделю я вспомнила всё. Точно такой же душной ночью картина сложилась – и тогда я дала себе клятву. Не вслух, а внутри, выцарапала её глубокими бороздами на стенах своего сознания: я найду причину происшедшего. Я обязана выяснить, кто и зачем стёр с лица Вселенной мой мир, пусть даже на это уйдёт вся жизнь.

Масштаб явления, впрочем, не давал даже подступиться к решению этой задачи, но она необъяснимо поддерживала меня, заставляла открывать глаза по утрам и ждать чего-то на кро-

печном островке напряжённой тишины посреди высоких стен с колючей проволокой. Теперь этот островок стал моим новым миром...

... Миром, полным ярких красок и запаха цветов. Я бежала босиком по траве с синей атласной лентой в руке, а за мной с громким задорным лаем нёсся Джей, мой верный мохнатый сенбернар. Спотыкаюсь о кочку и падаю в зелёное море, а собака скачет вокруг и пытается зубами ухватить яркую ленточку. Его любимая игра – «забери игрушку» – что может быть лучше, чем показать хозяйке, что у тебя сильные зубы и мощные лапы? Что ты можешь защитить и её, и себя от всех опасностей Вселенной!

Я крепко обняла Джея; зажмурившись, прижалась к нему щекой и безмятежно расхохоталась. Тут, посреди высокой сочной травы я была по-настоящему счастлива!..

Ощущения тёплой шерсти под ладонями, языка, лизнувшего щёку, тяжёлого доверчивого тела, привалившегося сбоку – всё исчезло. Мгновенно – как будто киноплёнку прервали на самом счастливом кадре. А я уже шарила перед собой руками, пытаюсь ухватиться за пустоту.

Открыла глаза. Вместо голубого неба надо мной нависал низкий потолок, покрытый жёлтыми потёками, как гноящимися шрамами, а рядом с койкой стоял доктор Хадсон в белом халате и нелепой медицинской шапочке. Его ночной двойник – с раздувшимся лицом, с глазами-щёлочками и тонким безгубым ртом.

Его рука – холодная и сухая, как у трупа – впиалась в моё запястье, я попыталась вырваться из его цепкой хватки, но ничего не вышло – тугие ремни, словно тисками, сдавливали руки и ноги. В ладони доктора Хадсона блеснула шербатая хирургическая пила. Он широко ухмыльнулся, обнажая оскал, в котором блестели острые, тонкие лезвия зубов.

— Пора доделать, — прошипел он, словно зашелестели сухие осенние листья. — Закончить работу...

И сделал резкое движение. Я дёрнулась и взвыла – звериным, нечеловеческим воплем, который вырвался из самой глубины души:

— **НЕТ! НЕ РУКУ! ПОЖАЛУЙСТА, ТОЛЬКО НЕ РУКУ ОПЯТЬ!!!**

Собственный крик вырвал меня из сна и вбил обратно в реальность.

Я лежала, задыхаясь, сердце колотилось так, будто пыталось выпрыгнуть через горло, а крупные капли пота струились по лбу и стекали на подушку, оставляя на ней тёмные пятна. В душевной палате никого не было – лишь эхо моего выкрика звенело, отражаясь от стен...

Кошмар закончился, а реальность – нет. Вот что такое истинная беспомощность: когда твой самый страшный сон – это лишь эхо того, что с тобой уже сделали. И ты просыпаешься не *от кошмара, а в его продолжении*...

Конечности ныли тупой болью, за окошком разлился влажный серый туман, поднятый недавним рассветом. Начинался новый день. Проснись и пой...

«Нет, так больше нельзя жить! Мне нужно уйти отсюда. Уйти во что бы то ни стало – или наконец сдохнуть!»

Я с трудом приподнялась и села на койку, свесив чужеродные придатки, которые теперь были моими ногами. Осторожно спустила тяжёлый и холодный протез на пол. Предмет. Чужой, враждебный. Я собрала всю волю в тот сгусток отчаяния и ярости, что клокотал внутри – и попыталась перенести на протез свой вес...

Боль была не просто болью – это был слепящий взрыв от фантомной стопы до живого бедра, будто кости наживую перемалывали в пыль. Но я не уступала. Я стояла на этих металлических обломках, впившихся в плоть. Слезы текли ручьями, а из горла вырвался немой рык – звук зверя, загнанного в угол и решившего умереть, но не сдаться.

Я сделала шаг – всего один. И мир тут же погас, не выдержав этого акта неповиновения...

— Лиза! Ты куда это собралась?! На марафон? — Голос Отто проник в сознание сквозь пелену агонии, его руки подхватили меня и с трудом взгромоздили на ненавистный матрас. — Тебе ещё рано ходить, осложнения начнутся!

— Не трогай! — мой голос был хриплым, чужим. — Не... не трогай...

Я впилась механическими пальцами в простыню – не для опоры, а чтобы разорвать. Чтобы уничтожить эту тряпку, эту койку, комнату, всю эту чёртову реальность...

— Не могу... — прошипела я, глядя на него уже не с отчаянием, а с холодной, кристаллизовавшейся яростью. — Понимаешь?! Не могу я больше тут лежать! Мне нужно выйти! Не «хочется»... Нужно! Я не могу лежать и ждать, пока тело сгниёт на этом матрасе!

— Выйти? На этих железках?! Да ты и до двери не доползёшь!

— Целый месяц, Отто! Целый месяц в этой палате, в этой самой кровати... — Мой голос сорвался на хрип, я протянула к нему проклятую железяку, пытаюсь ухватить его за ворот белого халата, но не смогла. — Это не жизнь! Я не могу без посторонней помощи вставить в ухо транслятор! Я даже поспать не могу выйти! Эта ебучая утка... — Взгляд метнулся в угол, на ненавистное полотенце, под которым лежало столь же ненавистное судно. — Ты должен помочь мне выйти! А иначе я... я...

Он покачал головой:

— Лиза...

Пошарив вокруг глазами в поисках чего-нибудь острого, смертоносного, чем можно угрожать, я ничего не нашла и выдохнула:

— Я вот этой самой железкой разобью стекло... и выпрыгну вниз. Или... вскрыюсь осколком! Это не угроза, Отто. Это... это последняя просьба... Я просто... больше не могу.

Отто молча подошёл к окну, распахнул створку и закурил. С улицы доносились зычные крики – шло утреннее построение перед началом рабочей смены. Он выпустил струйку дыма в прохладный воздух.

— Выбора у меня, выходит, нет? — наконец произнёс он, глядя куда-то вдаль. — Ладно, с сегодняшнего дня начинаем упражнения. Только не жди чудес. Я не специалист...

* * *

Шли долгие дни. Каждое утро нового дня начиналось со скрипа двери – это Отто, щуплый семнадцатилетний паренёк, входил в палату. Отто, чьё дежурство по больнице теперь сменилось работой на лесопилке, вставал раньше всех и бежал ко мне в палату с припрятанной прошлым вечером частью собственного пайка. Под его чутким присмотром я давилась двумя порциями каши, пока он торопливо рассказывал последние новости, а затем медленно и мучительно бродила по коридору на алюминиевых костылях туда и обратно, садилась, вставала, открывала и закрывала дверь, брала в «руки» чашку, пользовалась ложкой, карандашом и зубной щёткой...

Преодолевая боль, я заново училась ходить и пользоваться руками, а Отто был моим верным спутником на этом сложном пути.

Через пару часов он столь же стремительно бежал в столовую на общий завтрак, а оттуда – на построение, чтобы затем отправиться на лесозаготовки, а я оставалась в лазарете, безнадежно стараясь ухватить эту дурацкую щётку механическими пальцами – раз за разом. Ничего не получалось, я плакала, стонала и кричала от бессилия, но у меня не было другого выхода – нужно было пытаться. Я вытирала слёзы и пыталась, и со временем стало получаться.

Временами, очень редко, со мной работал доктор Хадсон – апатичный, циничный и вечно щетинистый хирург, словно уставший бог в бесконечном аду. Кроме него настоящих врачей в интернате не было, поэтому у него была почти неограниченная власть, и он мог позволить себе практически всё. Впрочем, на какую-то личную выгоду, на людей, да и на всё вокруг ему было по большому счёту плевать. По-моему, он просто обречённо тянул свою лямку, покорившись судьбе.

Сам он с пациентами почти не общался, предпочитая сбрасывать рутинную работу на подчинённых санитаров из воспитанников, которых ему в сменном порядке отряжало руководство интерната. Вмешивался только в крайних случаях – когда жизнь воспитанника была под угрозой или нужно было провести операцию. А частенько его и вовсе не было на территории – на него был спрос снаружи, за стенами, куда он регулярно убывал под охраной...

Вскоре я уже самостоятельно ходила с костылями, и наконец начала выбираться на улицу. Путь со второго этажа лазарета мне давался минут за десять. Обратного же я карабкалась чуть ли не полчаса. Но оно того стоило – как же радостно было наконец выйти на улицу, рухнуть на грубую самодельную лавку возле гравийной дорожки и вдохнуть свежий, хоть и слегка запылённый воздух! Спешащие по делам ребята и патрулирующие территорию охранники поглядывали на меня со смесью опаски, интереса и жалости, и это меня жутко раздражало. Я чувствовала себя неполноценной под этими взглядами, но мне ничего не оставалось, кроме как упорно работать...

* * *

Спустя несколько недель в одно редкое солнечное утро дверь в палату приоткрылась, в дверном проёме возникла небритая всклокоченная голова доктора Хадсона и сообщила:

— Лиза, тебе пора выписываться. Мы тебя подлатали, выкормили, поставили на ноги – настало время приносить пользу. Сегодня найдём тебе спальное местечко вместе со всеми, а завтра утром пойдёшь в швейный цех. Умеешь шить, да?

— Никогда этим не занималась, вообще-то...

— Придётся научиться... — Заметив, как я разглядываю протезы, он попытался меня успокоить: — Да ты не дрейфь, машинку дадут. Всё, бывай, я убежал.

Голова исчезла, дверь захлопнулась, а я осталась наедине с мыслями...

У ребят здесь была настоящая иерархия наподобие тюремной – я узнала об этом от Отто. Триста человек были разделены на две части – девочки и мальчики жили в разных бараках. В мужском бараке царила настоящая дедовщина – старшие и сильные, сбившись в небольшую стайку, «управляли» теми, кто был послабее, и всячески над ними издевались. Девочки же поделились на несколько групп по возрастам, которые хоть и не враждовали в открытую, но были не прочь напакостить друг другу исподтишка.

Мне предстояло спуститься в этот мир с его неписаными законами. Быть новенькой – это приговор, а уж новенькой на костылях... Сердце сжималось от тревоги, но радовало одно – я была не одинока здесь, у меня был верный друг – Отто. Мы почти не виделись с тех пор, как я встала на костыли, но иногда, вечером или утром, он забегал, чтобы узнать, как у меня дела и рассказать про свои, и эти минуты были глотком воздуха в затхлом больничном существовании...

В тот же день ближе к полудню ко мне в палату явились пара моих ровесниц в застиранных рабочих комбинезонах.

— Привет, Лиза, — сказала одна из них, с двумя русыми косичками. — Тебя переселяют к нам в корпус. Я Мария, а это Дженни. Собирайся и пойдём, нам на обед ещё надо успеть. Манатки твои я возьму, а с остальным Дженни поможет.

Чернявая Дженни молча двинулась в мою сторону, чтобы помочь встать, но я резко дёрнулась и, ухватившись за костыли, поднялась сама. Пока я ковыляла по коридору, а потом по лестнице, цепляясь за перила, девочки нетерпеливо перетаптывались вниз.

— Ну сколько можно? — Мария постучала ногой по ступеньке, и звук эхом разнёсся по лестничной клетке. — У нас обед через десять минут, а потом смена. Хочешь, чтобы нас за опоздание на лесопилку лишили пайка? Мы же до вечера тут стоим!

— Идите, — выдавила я сквозь зубы, чувствуя, как дрожат от напряжения руки. — Я... сама.

— Ноги есть, ходить могу, — передразнила Дженни шёпотом.

Снизу донёлся сдавленный смешок:

— Ага, а эти костыли – просто мечта спринтера.

Кто-то из них фыркнул, а я сделала вид, что ничего не услышала – я не простила, но запомнила. Каждое слово, тональность – я отложила всё это в ту же тёмную кладовую сознания, где уже лежала клятва найти виновных в гибели Кенгено. Теперь там появилась новая полка – для мелкой, бытовой жестокости. И там было много места для обиды. Очень много...

Барак встретил нас длинным коридором, уставленным безликими дверями. За каждой из них была своя маленькая жизнь, свои секреты и распри. Я слышала гул голосов, смеха, чьих-то ссор, чувствовала запахи – пряные, кислые, запахи еды и духов, невесть откуда взявшихся в этой тюрьме.

Мое жильё было на первом этаже, в самом конце коридора. Внутри ждали три кровати, застеленные казённым бельём, и одна из них была моей. На колченогой тумбочке лежало моё скудное богатство: пара комплектов одежды, включая тот, в котором меня подобрали у ворот несколько месяцев назад, зубная щётка да полтюбика пасты. Хозяйки двух других коек отсутствовали – видимо, обедали в столовой. Есть не хотелось, а тело ныло тупой, выматывающей болью после долгого путешествия через территорию интерната, так что я свалилась на жёсткий матрас, свернулась калачиком, прижавшись лбом к прохладной стене, и почти сразу заснула...

Глава V. Авантюра

... Я утопала в одеяле из стекловаты, всплывала из него к поверхности, оно триллионом микроскопических крючков цеплялось за нервные окончания. Сознание возвращалось обрывками, как сигнал, прорывающийся сквозь радиопомехи. Будто из поролоновой толщи, раздался голос:

— Держите её на боку, мистер Сантино, не хватало ещё, чтобы она язык проглотила!

«Мэттлок... Но где он? И почему всё тело – как один сплошной ожог?!»

— Ещё раз увижу этого червяка... — откуда-то издали доносился хриплый голос Марка. — В его интересах окуклиться, отрастить крылья и улететь, пока я его не прихлопнул! Лиз, ты мне только не вздумай снова отдавать концы!

— Вот, это должно помочь, — сказал Мэттлок, и носоглотку обжёг едкий нашатырь.

Мир дёрнулся и с грохотом ввалился обратно в сознание: сначала рёв Марка, потом ослепительный свет люстры, а затем – ощущения в собственном теле, горячем и ватном.

— Кажется, прошло... Да она вся горит! Профессор, неси воды скорее!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.